

ЛЮСИ ФОЛИ СПИСОК ГОСТЕЙ

КТО ПЕРВЫМ РЕШИТСЯ НА УБИЙСТВО?
ВЕДЬ МОТИВ ЕСТЬ У КАЖДОГО...

Люси Фоли

Список гостей

Серия «Объявлено убийство»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64714631
Список гостей: Издательство АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134260-9*

Аннотация

На пустынном острове, затерянном в холодных водах, гости собираются, чтобы отметить радостное событие – свадьбу Уилла и Джулс. Шикарный особняк, возвышающийся над суровым пейзажем, распахнет свои двери только для избранных. Только для тех, кому повезло оказаться в списке гостей.

Жених – восходящая звезда экрана. Невеста – успешный издатель. Они молоды, амбициозны и вызывающе красивы.

Торжество обещает быть грандиозным, если не одно но...

Обиды и ревность смешиваются с весельем, пожелания молодым перемежаются воспоминаниями. Но есть вещи, о которых лучше забыть.

Каждому гостю есть что скрывать. Призраки прошлого блуждают по острову, и кто-то точно не доживет до конца свадьбы...

Содержание

Сейчас. Вечер свадьбы	5
За день до этого. Ифа. Свадебный организатор	8
Ханна. Плюс один	14
Джулс. Невеста	25
Джонно. Шафер	37
Оливия. Подружка невесты	51
Джулс. Невеста	59
Ханна. Плюс один	66
Оливия. Подружка невесты	76
Ифа. Свадебный организатор	85
Сейчас. Вечер свадьбы	90
За день до этого. Ханна. Плюс один	92
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Люси Фоли

Список гостей

© 2020 by Lost and Found Books

© Ардисламова А., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Кейт и Робби, самым отзывчивым сестре и брату, на которых только можно надеяться... К счастью, совсем не таким, как в этой книге!

Сейчас. Вечер свадьбы

Свет гаснет.

Все мгновенно погружается во мрак. Музыканты замолкают. Гости в шатре визжат, натыкаются друг на друга. Пламя свечей на столах только добавляет неразберихи, на холщовых стенах пляшут тени. Невозможно разглядеть, кто где находится, разобрать, кто что говорит: голоса гостей заглушает бешеный рев ветра.

Снаружи свирепствует буря. Ветер с визгом кружит вокруг шатра, колотит по нему. От каждой его атаки вся конструкция изгибается и содрогается, отзываясь громким металлическим стоном; гости съеживаются от страха. Двери сорвались с петель и теперь валяются у входа. Пламя керосиновых ламп, освещающих дверной проем, непрерывно колышется.

Кажется, что эта буря сводит с ними какие-то личные счета. Будто она вымещает на них всю свою ярость.

Тут не впервые вырубает свет. Но в последний раз он появился через несколько минут. И все сразу же вернулись к танцам, выпивке, наркотикам, поцелуям, еде, смеху... забыв о случившемся. А сколько времени прошло на этот раз? В темноте трудно сказать наверняка. Пара минут? Пятнадцать? Двадцать?

Гости начинают поддаваться страху. Этот мрак – злое, выжидающий. Будто что угодно может произойти в его объятиях.

Наконец лампочки снова загораются. Народ раздражается одобрительными криками. Теперь им неловко от поз, в которых они застыли, – пригнувшиеся, словно готовые отразить нападение. Зрелище под сводами освещенного шатра должно быть праздничным, но больше напоминает погром. Шатер делится на три зоны – в главной, обеденной зале на ламинате блестят капли вина, по белому полотну расползается багровое пятно. Повсюду громоздятся бутылки шампанского, символизируя вечер тостов и торжества. Из-под скатерти выглядывает жалкая пара серебряных сандалий.

В танцевальном шатре снова заиграли ирландские музыканты – зажигательный ритм, призванный вернуть дух праздника. Многие спешат туда, желая найти хоть какое-то облегчение. Если присмотреться внимательнее, можно заметить кровавые следы, которые высыхают ржавыми пятнами: один из гостей, босой, наступил на битое стекло. Но никто не смотрит.

Остальные бродят по углам, напоминая рассеивающийся сигаретный дым. Они не хотят здесь оставаться, но и не хотят выходить из укрытия, пока все еще бушует буря. И никто не может покинуть остров. Пока нет. Лодки не смогут причалить, пока ветер не стихнет.

В самом центре возвышается огромный торт. Он казался им целостным и совершенным большую часть дня – шлейф сахарной листвы блестел в свете огней. Всего за несколько минут до того, как погас свет, гости как раз собрались во-круг, чтобы стать свидетелями церемонии его разрезания. Теперь внутри торта зияет темно-красная дыра.

И вот снаружи раздается новый звук. Поначалу его даже можно принять за завывания ветра. Но он становится все пронзительнее и громче, и его уже невозможно ни с чем спутать.

Гости замирают и переводят друг на друга взгляды. Внезапно всех вновь охватывает страх. Он сильнее, чем тогда, когда погас свет. Все они понимают, что слышат. Это крик ужаса.

За день до этого. Ифа. Свадебный организатор

Почти все гости в сборе. Скоро праздник наберет обороты: вечером состоится репетиция ужина с некоторыми участниками, так что, по сути, свадьба начинается уже сегодня.

Я положила шампанское охлаждаться к ужину. Это винтажное Боллинже – восемь бутылок, вино и парочка ящичков «Гиннеса» – все по списку невесты. Не в моих правилах оценивать чужие вкусы, но мне кажется, это перебор. Хотя они взрослые люди. Уверена, они знают, как держать себя в руках. А может, и нет. Этот шафер выглядит не особо надежным – как и все шаферы, если честно. Я видела, как подружка невесты – ее сводная сестра – поникшая, в одиночестве скиталась по острову, она шагала так быстро, как будто пыталась кого-то обогнать.

Ты узнаешь все грязные секретики, когда занимаешься подобной работой. Ты видишь то, что не удастся заметить больше никому. Все те сплетни, за которые любой гость готов убить. Как свадебный распорядитель, ты *не имеешь права* что-то упускать. Надо подмечать каждую деталь, каждое течение в этом огромном океане. Если я потеряю бдительность, одно из этих течений может принести мощную волну, которая смоем все мои скрупулезно построенные планы. И

еще один факт, который я осознала со временем: иногда самые маленькие течения и есть самые сильные.

Я прохожу по комнатам первого этажа особняка «Каприз», растапливаю камин торфом, чтобы он хорошенько тлел весь этот вечер. Мы с Фредди сами начали собирать его на болотах и сушить, как это и делалось веками. Дымный, земляной запах костра заставит всех проникнуться местной атмосферой. Гостям должно это понравиться. Может, сейчас и середина лета, но ночи на острове прохладные. Старые каменные стены «Каприза» не прогреваются и совсем не удерживают тепло в доме.

Сегодня было на удивление солнечно по меркам этого места, но вряд ли завтра будет так же. Краем уха я зацепила конец прогноза погоды по радио – завтра обещали ветер. На острове природа отыгрывается на нас по полной; штормы тут гораздо сильнее, чем на материке, как будто до него они уже не доходят. На улице все еще солнечно, но днем стрелка старого барометра в коридоре качнулась от УМЕРЕННО к ПЕРЕМЕНЧИВО. Я уже его сняла. Не хочу, чтобы невеста заметила. Хотя не думаю, что она из тех, кто впадает в панику. Больше похожа на ту, которая любит злиться и искать виноватого. И я точно знаю, кто в таком случае попадет под раздачу.

– Фредди! – кричу я на кухню. – Ты скоро начнешь готовить ужин?

– Да, – отвечает он. – У меня все под контролем.

Сегодня они будут есть рагу – по старинному рецепту рыбацкой похлебки Коннемара: копченая рыба и много сливок. Я попробовала его в свой первый визит на остров, тогда здесь еще кто-то жил. Этим вечером блюдо будет приготовлено по утонченной версии рецепта, потому что и люди к нам приехали «утонченные». По крайней мере, им *нравится* так о себе думать. Посмотрим, что с ними станет, когда они начнут выпивать.

– А после надо начать готовить канане на завтра, – продолжаю я, мысленно пробежавшись по списку.

– Я помню.

– И торт: надо все сделать вовремя.

Торт – это то еще зрелище. Должно быть. Я-то знаю, сколько он стоил. Но невеста и глазом не моргнула. Думаю, она привыкла покупать все самое лучшее. Четыре яруса темно-красного бархатного бисквита, покрытого безупречной белоснежной глазурью и усыпанного зеленым сахаром; чтобы все гармонировало с убранством часовни и шатра. Необычайно хрупкий, изготовленный в точности так, как требовала невеста, он проделал сюда долгий путь от самых первоклассных кондитеров Дублина: чтобы переправить этот шедевр по воде в целости и сохранности, потребовалось немало усилий. Завтра, естественно, его быстренько уничтожат. Но все дело в моменте, в свадьбе. Все дело в одном дне. Если честно, брак тут совсем ни при чем, чтобы там ни говорили.

Видите ли, в моей профессии надо уметь расписывать счастье. Именно поэтому я стала организатором свадеб. Жизнь – это сплошная неразбериха. Мы все это знаем. Еще в детстве я поняла, что в жизни случаются ужасные вещи. Но что бы ни случилось, жизнь – это всего лишь череда дней. И нельзя контролировать больше одного. Но зато *один* день можно спланировать идеально. Двадцать четыре часа можно полностью подчинить своему замыслу. День свадьбы – это маленький отрезок времени, за который я могу создать нечто цельное и совершенное, то, что можно лелеять всю оставшуюся жизнь, как жемчужину от порванного ожерелья.

Фредди выходит из кухни в своем запачканном фартуке.

– Как ты себя чувствуешь?

Я пожимаю плечами.

– Переживаю, если честно.

– У тебя все получится, дорогая. Подумай, сколько раз ты уже это делала.

– Но сейчас все по-другому. Из-за того, кто это...

Это была настоящая удача – уговорить Уилла Слейтера и Джулию Киган провести свою свадьбу здесь. Раньше я работала организатором мероприятий в Дублине. Поселиться на острове было моей идеей – восстановить полуразрушенный «Каприз» и превратить его в элегантный особняк с десятью спальнями, столовой, гостиной и кухней. Мы с Фредди живем тут все время, но мы занимаем лишь крошечную часть пространства.

– Да ладно. – Фредди подходит ко мне и обнимает. Поначалу я напрягаюсь. Я так сосредоточена на своем списке дел, что сперва это объятие кажется мне пустой тратой времени. Но потом я разрешаю себе расслабиться и насладиться этой успокаивающей, знакомой теплотой. Фредди приятно обнимать. Он мягкий, как плюшевый мишка. Он любит поесть – это часть его работы. Раньше, до того, как мы сюда переехали, у него был свой ресторан в Дублине.

– Все будет в порядке, – уверяет он. – Я обещаю. Свадьба пройдет идеально.

Фредди целует меня в макушку. У меня большой опыт в этом деле. Но никогда раньше я не работала над мероприятием, в которое вложили столько денег. И невеста очень требовательна – что, скорее всего издержка ее собственной профессии, она выпускает свой журнал. Кого-то другого, возможно, и раздражали бы ее придирки, но мне это нравится. Я люблю, когда мне бросают вызов.

В любом случае, хватит уже обо мне. В конце концов, эти выходные полностью посвящены счастливой паре. Судя по всему, жених и невеста не так уж давно вместе... Наша спальня тоже находится в «Капризе», и мы слышали их прошлой ночью, как, наверное, и все остальные.

– Господи, – сказал Фредди, когда мы лежали в постели. – Я не могу это слушать.

Я понимаю, что он имел в виду. Странно, но звуки блаженства зачастую напоминают крики боли. Они кажутся

очень влюбленными, они не в силах оторваться друг от друга. Циник бы назвал это не любовью, а похотью.

Мы с Фредди вместе уже почти два десятка лет, но я до сих пор скрываю от него некоторые вещи, как и он от меня, не сомневаюсь. Волей-неволей задумаешься, как много знают друг о друге те двое.

Знают ли они все темные тайны, которые скрывает каждый из них.

Ханна. Плюс один

Перед нами вздымаются огромные волны с белыми гребнями пены. Хотя на суше и царит безобидный летний денек, но здесь погода довольна сурова. Как только мы вышли из безопасной гавани материка, вода моментально потемнела, а волны выросли на пару метров.

Завтра состоится свадьба, и вот мы едем на остров. Мы останемся там на ночь как «особые гости». Я прямо жду не дождусь. По крайней мере, мне так *кажется*. Мне как раз сейчас нужно немного отвлечься.

– Держитесь! – предупреждают нас из капитанской каюты. Капитана зовут Мэтти. Мы и глазом моргнуть не успели, как маленькая лодка уже срывается с одной волны и прямиком врезается в другую. Брызги разлетаются над нами огромной дугой.

– Господи! – вопит Чарли, он весь вымок с одного бока. Каким-то чудом меня почти не задело.

– Что, вы там немножко намокли? – кричит Мэтти.

Я смеюсь, но смех выходит вымученным и неестественным, на самом деле я сильно испугалась. От зигзагообразного движения лодки у меня сводит желудок.

– Ох, – выдыхаю я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. При мысли о чае со сливками, который мы выпили перед поездкой, у меня выступает холодный пот.

Чарли смотрит на меня, кладет руку на колено и сжимает.

– Боже. Уже началось? – Я ужасно переношу морскую болезнь. Да и не только ее одну; когда я была беременна, это был суший кошмар.

– Угу. Я выпила пару таблеток, но они не особо помогают.

– Слушай, – быстро предлагает Чарли, – давай я почитаю об острове, чтобы ты отвлеклась.

Он начинает копаться в телефоне. Чарли заранее скачал себе путеводитель; он учитель до мозга костей. Лодка снова дергается, и айфон чуть ли не вылетает у него из рук. Мой муж, ругнувшись, крепче сжимает телефон двумя руками; мы не сможем позволить себе купить новый.

– Там не так уж много всего, – говорит он, как бы извиняясь, когда ему наконец-то удастся открыть книгу. – На Коннемаре куча достопримечательностей, да, но на самом острове... Пожалуй, он такой маленький...

Чарли уставился на экран, будто умоляя его что-то рассказать.

– Ой, вот, я кое-что нашел, – он прочищает горло и начинает читать тоном, который, наверное, привык использовать на своих уроках. – *Inis an Amhlóra*, или, в переводе, Бакланий остров протяженностью всего лишь три километра – больше в длину, чем в ширину. Представляет собой глыбу гранита, *величественно* выступающую из Атлантического океана в нескольких милях от побережья Коннемары. Большая часть его поверхности покрыта торфяными болотами и

дерном. Лучший и, по сути, единственный способ увидеть *Inis an Amhlóra* – доплыть до него на частной лодке. Воды залива, разделяющие материк и остров, могут стать особенно беспокойными...

– Это уж точно, – бормочу я, хватаясь за края, когда лодка опять подскакивает на волне. Желудок опять скручивает.

– Я могу рассказать вам больше, чем там написано! – кричит Мэтти из каюты. Я и не подозревала, что он может услышать нас оттуда. – Про Инишан Амплора из книжки много и не узнаешь.

Мы с Чарли продвигаемся к каюте, чтобы послушать капитана. У этого Мэтти очень приятный, хоть и сильный акцент.

– Первые жители острова, – начинает он, – состояли в религиозной секте, которая подверглась гонениям на материке.

– Да, точно, – подтверждает Чарли, снова заглядывая в путеводитель. – Кажется, я видел тут что-то...

– В этой писанине почти ничего нет, – обрубают его Мэтти, нахмурившись, явно недовольный тем, что его перебили. – Я прожил здесь всю жизнь, знаете ли, и мой народ живет тут веками. Я расскажу вам больше, чем какой-то мужик из интернета.

– Простите, – бормочет Чарли, краснея.

– Так вот, – продолжает Мэтти. – Двадцать лет назад или около того, археологи их раскопали. Всех вместе в торфяном болоте, лежащих бок о бок, как селедки в банке, – что-то мне

подсказывает, ему очень нравится эта история. – Говорят, тела прекрасно сохранились, потому что там нет воздуха. Но то была настоящая бойня. Их всех зарубили насмерть.

– Ой, – говорит Чарли, посмотрев на меня. – Я не уверен...

Слишком поздно, я уже нарисовала это у себя в голове: трупы, лежащие в черной земле, похороненные много лет назад. Я стараюсь об этом не думать, но картинка так и продолжает мелькать в сознании, как заевшее видео. Новый приступ тошноты от очередного рывка лодки я принимаю почти с облегчением, потому что сразу отвлекаюсь.

– И теперь там никто не живет? – весело спрашивает Чарли, надеясь сменить тему. – Кроме новых владельцев?

– Нет, – отвечает Мэтти. – Одни только призраки.

Чарли нажимает на экран.

– Здесь написано, что на острове жили люди вплоть до девяностых, когда последние жители решили вернуться на материк к водопроводу, электричеству и благам современной цивилизации

– Ах вот что там написано, да? – говорит Мэтти с улыбкой.

– А что? – спрашиваю я, кое-как сумев хоть что-то выговорить. – Они уехали по какой-то другой причине?

Мэтти собирается что-то сказать, но потом выражение его лица меняется.

– Осторожно! – кричит он. Мы с Чарли едва успеваем ухватиться за поручень за несколько секунд до того, как дно

лодки просто исчезает из-под ног, и наше судно швыряет вниз по склону одной волны перед тем, как мы врезаемся в другую. Боже ты мой.

Говорят, чтобы не укачивало, надо найти какую-то неподвижную точку. Я пристально смотрю на остров. Его было видно всю дорогу от материка – синеватое пятно на горизонте, похожее на расплюснутую наковальню. Джулс всегда соглашается только на самое сногсшибательное, но я не могу избавиться от ощущения, что ссутулившийся силуэт острова выглядит слишком мрачно на контрасте с ярким солнечным днем.

– Удивительно, правда? – говорит Чарли.

– Угу, – мычу я. – Давай надеяться, что там появились водопровод и электричество. Потому что после этого мне необходима горячая ванна.

Чарли ухмыляется.

– Зная Джулс, если до этого там не было таких удобств, то теперь точно есть. Ты же знаешь, какая она. Такая деятельная.

Я уверена, что Чарли не имел это в виду, но меня как будто сравнивают. Я-то *далеко* не самая организованная. Такое ощущение, что я не могу зайти в комнату, при этом что-нибудь не опрокинув, а с тех пор, как у нас появились дети, наш дом вообще превратился в зону военных действий. Когда мы – очень редко – приглашаем гостей, я просто раскидываю вещи по шкафам и кое-как закрываю их, отчего скла-

дывается впечатление, будто весь дом задерживает дыхание, стараясь не взорваться. Помню, как мы первый раз пришли на ужин в изысканный викторианский особняк Джулс в Ислингтоне, он словно сошел со страниц журнала – со страниц *ее* онлайн-журнала «Загрузка». Я все думала тогда, что она меня куда-то запрячет, зная, как нелепо я смотрюсь среди ее обычной компании с моими отросшими темными корнями и в дешевой одежде. Я даже поймала себя на мысли, что пытаюсь сгладить свой манчестерский акцент.

Мы с Джулс полные противоположности. Две самые важные женщины в жизни моего мужа. Я наклоняюсь за борт, вдыхая свежий морской воздух.

– Я прочел почти всю эту статью, – говорит Чарли. – Про остров. Там говорится, что там есть пляжи с белоснежным песком, которые особенно известны в этой части Ирландии. А там, где белоснежный песок, – всегда бирюзовая вода.

– Вот как? – удивляюсь я. – Что ж, это звучит лучше, чем торфяные болота.

– Ага, – говорит Чарли, улыбаясь. – Может, у нас будет возможность поплавать.

Я смотрю на воду, которая сейчас кажется грязно-зеленой, а не бирюзовой, и не могу унять дрожь. Я уплывала за буйки в Брайтоне, и это ведь тоже Ла-Манш, так ведь? Но все равно. Там вода казалась намного спокойнее, чем это дикое и суровое море.

– Мы хорошо развлечемся в эти выходные, да? – говорит

Чарли.

– Да, – отвечаю я. – Надеюсь.

Ничего похожего на отпуск у нас не было уже очень давно. А он мне сейчас так нужен.

– Так и не поняла, зачем Джулс выбрала какой-то остров на побережье Ирландии, – добавляю я. Хотя это *так* на нее похоже – выбрать что-то настолько эксклюзивное, чтобы ее гости едва не утонули в попытке туда добраться. – Не то чтобы она не могла позволить себе праздновать там, где она захочет.

Чарли хмурится. Он не любит говорить о деньгах – его это смущает. И это одна из причин, почему я так его люблю. Кроме тех моментов, когда изредка, только иногда, раздумываю, каково это – зарабатывать больше. Мы намучились, выбирая подарок из предложенного списка, и даже слегка повздорили. Наш максимум обычно составляет пятьдесят фунтов, но Чарли настаивал, что мы должны потратить больше, потому что они с Джулс так давно знакомы. Поскольку все перечисленное было из «Либерти», люксового лондонского магазина, то за 150 фунтов, на которых мы, в конце концов, и сошлись, нам удалось купить только обычную керамическую миску. Что уж говорить, если *ароматическая свечка* там продается за 200 фунтов.

– Ты знаешь Джулс, – говорит мне Чарли, когда лодка снова летит вниз и глухо ударяется о воду, а потом подпрыгивает вверх и немного покачивается. – Она любит выделяться.

И, возможно, все дело в том, что ее отец – ирландец.

– Но я думала, что они с отцом не ладят?

– Все немного сложнее. Он никогда не проводил с ней много времени, и да, он тот еще засранец, но мне кажется, она всегда его идеализировала. Поэтому несколько лет назад и просила меня научить ее ходить под парусом. У ее отца есть яхта, и она хотела, чтобы папа ей гордился.

Мне сложно представить, чтобы вечно надменная Джулс хотела кого-то впечатлить. Я знаю, что ее отец – крупный застройщик и всего добился сам. Но меня, дочь обычного машиниста и медсестры, с детства привыкшей к напругу с финансами, завораживают – и немного пугают – люди, которые зарабатывают кучу денег. Для меня они будто совершенно другой вид, вроде красивых и опасных диких кошек.

– Или, может, это Уилл так решил, – предполагаю я. – На него это тоже похоже, он любит дикую природу.

У меня в животе порхают бабочки при мысли о встрече с кем-то настолько знаменитым. Трудно думать о женихе Джулс как о настоящем человеке.

Я тайком смотрела его шоу. Оно довольно неплохое, хотя мне и тяжело сохранять объективность. Я была так очарована мыслью о том, что Джулс сейчас с этим человеком... касается его, целует, спит с ним. Вот-вот выйдет за него *замуж*.

Основная интрига шоу «Доживи до утра» в том, что Уилла посреди ночи оставляют где-то связанным и с повязкой на глазах. Например, в лесу или посреди арктической тунд-

ры, где у него нет ничего, кроме одежды и, возможно, ножа в кармане. И вот, он должен развязать себя и добраться до назначенной точки, используя только свой ум и навыки ориентирования. Это впечатляет: в одном эпизоде он должен пересечь водопад в темноте; в другом его преследуют волки. Иногда ты вдруг вспоминаешь, что вообще-то за ним наблюдает съемочная группа. Если все действительно будет очень плохо, они же обязательно вмешаются и помогут, да? Но создатели, безусловно, на отлично справляются со своей работой, заставляя зрителя чувствовать опасность через экран.

При упоминании о Уилле Чарли сразу помрачнел.

– Я все еще не понимаю, почему она так быстро согласилась за него выйти, – говорит он. – Хотя, пожалуй, в этом вся Джулс. Когда она принимает решение, то не медлит с действиями. Но попомни мои слова, Ханна: он что-то скрывает. Я не думаю, что он тот, за кого себя выдает.

Именно поэтому я скрыла от него, что смотрела шоу. Я знаю, что Чарли бы это не понравилось. Иногда я не могу не думать, что его неприязнь к Уиллу похожа на ревность. Очень надеюсь, что это *не* ревность. А иначе что бы это тогда значило?

Может быть, дело в мальчишнике Уилла? Чарли пошел, что казалось неправильным, ведь он друг Джулс. Но после тех выходных в Швеции он приехал домой не в духе. Каждый раз, когда я пыталась выяснить, что произошло, он напугался и отстранялся. Поэтому я просто решила об этом

забыть. По крайней мере, он вернулся целым и невредимым.

Море, кажется, стало еще злобнее. Старая рыбацкая лодка качается и отбрыкивается от волн, как эти родео-быки в барах, будто пытается сбросить нас за борт.

– А плыть дальше вообще безопасно? – спрашиваю я Мэти.

– Ага! – перекрикивает он шум волн и рев ветра. – Это еще хорошая погода. Мы уже почти доплыли до Иниш ан Амплора.

Я чувствую, как мокрые пряди волос прилипают ко лбу, а остальные кружатся вокруг головы огромным спутанным облаком. Я могу только представить, как буду выглядеть перед Джулс, Уиллом и остальными, когда мы, наконец, прибудем на место.

– Баклан! – кричит Чарли, показывая пальцем. Он пытается отвлечь меня от тошноты, я знаю. Чувствую себя ребенком, которого везут к врачу на укол. Но все равно смотрю и замечаю гладкую темную голову, выступающую из волн, как перископ миниатюрной подводной лодки. Затем птица стрелой ныряет в воду. Трудно представить, что кто-то в таких враждебных условиях может чувствовать себя как дома.

– Я точно читал что-то про бакланов в той статье, – говорит Чарли и снова достает телефон. – А, вот. Они особенно часто встречаются именно в этой стороне побережья.

И тут он снова включает свой менторский тон:

– Баклана сильно оклеветали в местном фольклоре. – О

боже. — На протяжении веков эти птицы были символом жадности, невезения и зла.

Мы оба смотрим, как баклан снова появляется из воды. В его остром клюве мелькает крошечная рыбка, сверкая серебряной чешуей, а потом птица открывает пасть и проглатывает ее целиком.

Желудок сводит. Я чувствую себя так, будто это я только что проглотила эту скользкую рыбу, и теперь она плавает у меня в животе. И когда лодку начинает кренить в другую сторону, я бегу к борту, и меня рвет тем самым чаем со сливками.

Джулс. Невеста

Я стою перед зеркалом в нашей комнате – естественно, самой большой и элегантной из десяти спален «Каприза». Стоит мне только слегка повернуть голову, и за окном покажется море. Погода сегодня идеальная – волны искрятся в солнечном свете так, что больно смотреть. Лучше бы ей, черт возьми, быть такой и завтра.

Наша комната находится в западной части дома, к тому же, это самый западный остров в этой части побережья, так что на тысячи километров между мной и Америкой нет ни единой души. Мне нравятся эти крайности. Сам «Каприз» – это шикарный отреставрированный особняк пятнадцатого века, балансирующий на грани роскоши и безвременья, величественности и удобства: старинные ковры на каменных полах, ванны на резных ножках, камин, разожженные тлеющим торфом. Он достаточно большой, чтобы вместить всех наших гостей, но и достаточно маленький, чтобы здесь можно было чувствовать себя уютно. Идеально. Все будет просто идеально.

Не думай о записке, Джулс.

И я не буду думать о записке.

Черт. *Черт.* Не знаю, почему она так меня волнует. Я никогда не была нервной – из тех, кто просыпается в три часа ночи, о чем-то беспокоясь. По крайней мере, до недавних

пор.

Записка появилась в нашем почтовом ящике три недели назад. В ней мне велели не выходить замуж за Уилла. Отменить свадьбу.

С тех это превратилось в паранойю. Всякий раз, когда я думаю о записке, у меня появляется неприятное чувство в животе. Похожее на ужас.

Это просто смешно. Обычно на такую ерунду я не трачу и секунды своего времени.

Я снова смотрю в зеркало. Сейчас на мне платье. *То самое* платье. Я решила, что его нужно примерить в последний раз накануне свадьбы, чтобы перепроверить. Я уже мерила его на прошлой неделе, но все равно не хочу рисковать. Как и ожидалось, оно идеально. Тяжелый кремовый шелк, который выглядит так, будто его на меня вылили, а корсет создает идеальный силуэт песочных часов. Никаких кружев или другой подобной чуши – это не в моем стиле. Шелк настолько тонкий, что платье можно надевать только в специальных белых перчатках, которые, разумеется, сейчас на мне. Оно стоило целое состояние. И вполне заслуженно. Меня не интересует мода как таковая, но я уважаю силу одежды, она создает правильный угол зрения. И я сразу поняла, что это платье сделает меня королевой.

К концу вечера оно, наверное, будет грязным, даже я ничего не смогу с этим сделать. Но потом я прикажу укоротить его, до длины чуть ниже колена и перекрасить в более тем-

ный цвет. Я практична до мозга костей. И у меня всегда, *всегда* есть план; так было с самого детства.

Я подхожу к стене, где висит план рассадки гостей. Уилл говорит, что я похожа на генеральшу, когда вот так развешиваю карты своей кампании. Но это же важно, так ведь? От рассадки зависит хорошее настроение гостей на свадьбе. Я знаю, что к вечеру рассадка будет идеальной. Все дело в планировании: именно так я за пару лет превратила «Загрузку» из блога в полноценный интернет-журнал всего с тридцатью сотрудниками.

Большинство приедут завтра на церемонию, а потом вернутся в отель на материк – мне нравилось, что на приглашениях вместо обычных «экипажи» написано «*лодки в полночь*».

Но наши самые важные гости останутся сегодня и завтра на острове, в особняке, вместе с нами. Это довольно узкий круг. Уиллу пришлось выбирать любимчиков среди своих друзей, а таких у него немало. У меня, напротив, нет с этим сложностей, будет только одна подружка невесты – моя сводная сестра Оливия. У меня немного подруг. Нет времени на сплетни. Женские сборища навевают мне воспоминания о компашке стервозных девчонок в моей школе, которые никогда не считали меня «своей». Я очень удивилась, когда на девичник пришло так много женщин, но, с другой стороны, в основном это были мои сотрудницы из «Загрузки» – кото-

рые и организовали эту вечеринку, неприятным сюрпризом было только появление девушек друзей Уилла. Мой самый близкий друг – это Чарли. Фактически, в эти выходные он будет *моим* шафером.

Чарли с Ханной уже едут сюда, последние из сегодняшних гостей. Я буду рада повидать Чарли. Мы уже довольно давно не собирались только взрослым коллективом, без его детей. Раньше мы часто виделись – даже после того, как он сошелся с Ханной. Он всегда находил для меня время. Но с тех пор, как у него появились дети, он будто стал жить в каком-то другом измерении: в котором 11 часов вечера считается поздней ночью, а каждая встреча без детей должна быть тщательно спланирована. Тогда я и почувствовала, как мне его не хватает.

– Ты выглядишь сногшибательно.

– Ой! – я подпрыгиваю, а потом замечаю в зеркале его: Уилла. Он стоит в дверном проеме и смотрит на меня.

– Уилл! – шиплю я. – Я же в платье! Убирайся! Ты не должен меня видеть...

Он не двигается с места.

– А мне разве нельзя увидеть превью? И я все равно уже увидел, – он подходит ко мне. – Слезами шелку не поможешь. Ты выглядишь... *Боже!* Жду не дождусь, когда увижу, как ты в этом идешь к алтарю.

Он встает сзади и обнимает мои обнаженные плечи.

Я должна быть в ярости. *Так и есть.* И все же я чувствую,

как мое возмущение уже угасает. Потому что его руки на мне, двигаются вниз, от плеч к ладоням, и по моей коже пробегают первая дрожь желаний. И потом, напоминая себе я, не в моем стиле переживать из-за суеверия, что жених увидел свадебное платье – я никогда не верила в такие вещи.

– Тебе *нельзя* тут быть, – сердито говорю я. Но звучит это не так уж сурово.

– Посмотри на нас, – говорит Уилл, когда наши взгляды пересекаются в зеркале и он проводит пальцем по моей щеке. – Разве мы не прекрасно смотримся?

Он прав, мы хороши. Я, темноволосая и бледнокожая, и он, такой светлый и загорелый. Мы будем самой красивой парой. Не стану притворяться, это вызывает у меня восторг – представлять, как мы будем выглядеть в глазах окружающих и наших завтрашних гостей. Я думаю обо всех тех девушках, которые обзывали меня в школе толстой зубрилой (я поздно повзрослела), и злорадствую: *Ну и кто смеется теперь?*

Он кусает мое плечо. Низ живота наливается похотью. Я сдаюсь.

– Ты уже все сделала? – он смотрит на план через мое плечо.

– Нет, я пока не придумала, куда всех сажать, – говорю я. Он молча осматривает листок, я чувствую его теплое дыхание на своей шее, потом на ключице. Вдыхаю запах лосьона после бритья, которым он пользуется: кедр и мох.

– А мы пригласили Пирса? – мягко спрашивает он. – Не

помню, чтобы он был в списке.

Мне чудом удастся не закатить глаза. Я писала все приглашения. Я уточняла список, все выбирала, узнавала адреса, покупала марки, отправила все до последнего. Уилл часто отсутствовал, занятый на съемках очередной серии. Время от времени он вспоминал о ком-то, кого забыл упомянуть. Думаю, что под конец он и впрямь тщательно просмотрел весь список, сказал, что хочет убедиться, никого ли мы не пропустили. Пирс получил приглашение после этого.

– Его тогда не было, – признаюсь я. – Но я встретила его жену в том клубе, «Грачо». Она спросила про свадьбу, и было бы ужасно неловко их не пригласить. И в любом случае, почему бы и нет?

Пирс – это продюсер шоу Уилла. Он хороший парень, и они с Уиллом вроде бы всегда ладили. Я не задумываясь отправила ему приглашение.

– Ладно, – соглашается Уилл. – Да, конечно, все логично. Но в его голосе слышится напряжение. По какой-то причине ему это не понравилось.

– Слушай, дорогой, – говорю я, обвивая рукой его шею. – Я думала, ты обрадуешься, что они приедут. Им было приятно, что их позвали.

– Я не против, – осторожно замечает Уилл. – Я просто удивился, вот и все.

Он убирает руки с моей талии.

– Я ничуть не возражаю. На самом деле, это *приятный*

сюрприз. Здорово, что они придут.

– Ладно. Хорошо. Тогда я посажу мужей напротив жен. Так нормально?

– Вечная дилемма, – произносит он с наигранной серьезностью.

– Боже, да я знаю... но людям действительно это важно.

– Ну, – говорит он, – если бы мы с тобой были гостями, я точно знаю, где бы хотел сидеть.

– Да неужели?

– Сбоку, чтобы я мог делать это... – Его руки опускаются вниз, задирают шелковую юбку и забираются под нее.

– Уилл, – сопротивляюсь я. – Шелк...

Его пальцы находят кружевной край моего белья.

– Уилл! – возмущаюсь я. – Какого черта ты...

Но потом его пальцы оказываются внутри меня и начинают двигаться, и тогда мне уже абсолютно не важно, что станет с шелком. Моя голова падает ему на грудь.

Это совсем на меня не похоже. Я не из тех девушек, кто обручается всего через несколько месяцев после знакомства... и выходит замуж. Но я не согласна, что это опрометчиво и импульсивно, как, уверена, думают многие. Совсем наоборот. Я точно знаю, чего хочу, и добиваюсь желаемого.

– Мы можем заняться этим прямо сейчас, – шепчет Уилл. – У нас ведь есть время, да?

Я пытаюсь ответить – *нет* – но когда его пальцы продолжают двигаться, я могу издать лишь долгий, протяжный

стон.

С любым другим парнем, который успевал мне надоесть за несколько недель, и секс слишком быстро становился скучным, рутинным. С Уиллом я чувствую, будто мне никогда не будет достаточно – даже когда я удовлетворена больше, чем с любым другим любовником. И дело не только в том, что он такой красивый – хотя это объективно так. Корни этой ненасытности уходят гораздо глубже. Я чувствую, что хочу им обладать. Каждый половой акт – это попытка его присвоить, которая ни разу так и не увенчалась успехом, какая-то существенная часть всегда ускользает от меня, прячется где-то внутри него.

Это как-то связано с его славой? С тем, что как только ты становишься знаменитостью, то переходишь, в некотором смысле, в публичную собственность? Или это что-то другое, что-то более существенное в нем самом? Тайное и непознаваемое, скрытое от посторонних глаз?

Это неизбежно заставляет меня возвращаться мыслями к записке. *Я не буду думать о ней.*

Пальцы Уилла не останавливаются.

– Уилл, – нерешительно говорю я. – Кто угодно может войти.

– Разве не в этом самое интересное? – шепчет он. Да, да, наверное, так и есть. Уилл определенно расширил мои сексуальные горизонты. Это он познакомил меня с сексом в общественных местах. Мы занимались этим ночью в пар-

ке, на последнем ряду полупустого зала кинотеатра. Когда я вспоминаю, то удивляюсь сама себе: не могу поверить, что это сделала я. Джулия Киган не нарушает правил.

Еще он единственный мужчина, которому я когда-либо позволяла снимать себя обнаженной – один раз даже во время секса. Естественно, я согласилась на это только после нашей помолвки. Я же не гребаная идиотка. Но Уиллу это нравится, и с тех пор, как он начал меня снимать, – не то чтобы *мне* это очень нравилось – это стало символом потери контроля. Во всех предыдущих отношениях именно я была главной – но потеря контроля, оказалось, опьяняет. Я слышу, как он расстегивает ремень, и от одного только звука меня бросает в дрожь. Он толкает меня вперед, к туалетному столику – немного грубо. Я хватаюсь за стол. И чувствую его, он вот-вот в меня войдет.

– Извините? Там есть кто? – дверь приоткрывается.
Черт.

Уилл отодвигается, я слышу, как он возится со своими джинсами и ремнем. Юбка скользит вниз. Мне стыдно обращаться.

Он стоит, развалившись в дверях: Джонно, шафер Уилла. Как много он видел? *Все?* Мои щеки горят, я злюсь на себя. Злюсь на него. *Я никогда* не краснею.

– Простите, ребят, – извиняется Джонно. – Я вас прервал? Это что, ухмылка?

– Ой... – Он замечает, что на мне надето. – А это?... Разве

это не к беде?

Мне хочется схватить какой-нибудь тяжелый предмет и швырнуть в него, вопя при этом, чтобы он убирался отсюда. Но я веду себя наилучшим образом.

– Да ради бога! – говорю я вместо этого и надеюсь, что мой тон подразумевает: *«Неужели я похожа на дебилку, которая верит в такие вещи?»* Я поднимаю бровь и скрещиваю руки на груди. В прошлом я была мастером в игре «издевательски подними бровь» – на моей работе это приводит к фантастическим результатам. Пусть только *посмеет* сказать хоть слово. Несмотря на всю браваду, думаю, он немного меня боится. Люди в принципе меня боятся.

– Мы обсуждали план рассадки, – говорю я ему. – Вот, что ты прервал.

– Я... – запинаясь он. – Я такой придурок...

Очевидно, что он испуган. Хорошо.

– Я только что понял, что забыл кое-что важное.

Я чувствую, как мое сердце начинает биться чаще. Только не кольца. Я до последнего твердила Уиллу, чтобы он не доверял кольца Джонно. Если он их забыл, то я за себя не ручаюсь.

– Мой костюм, – начинает Джонно. – Я его приготовил, убрал в чехол... а потом, в последний момент... ну, не знаю, что произошло. Могу сказать только то, что, скорее всего, он висит у меня дома в Англии.

Я смотрю в сторону, когда они выходят из комнаты. Изо

всех сил стараюсь не сказать ничего такого, о чем потом пожалею. Нужно держать себя в руках в эти выходные. Как известно, иногда мои чувства берут надо мной верх. Я этим не горжусь, но мне никогда не удавалось полностью себя контролировать, хотя теперь получается все лучше. Гнев невесте совсем не к лицу.

Не понимаю, почему Уилл дружит с Джонно, почему он до сих пор не вычеркнул его из своей жизни. Если Джонно открывает рот, то явно не для остроумной беседы. Пожалуй, он довольно безобидный... по крайней мере, мне кажется, что безобидный. Но они такие разные. Уилл такой целеустремленный, такой успешный, так великолепно владеет собой. А Джонно – оболтус. Ему ничего не надо в жизни. Когда мы забирали его с местной железнодорожной станции на материке, от него воняло травой, и выглядел он так, будто спал не в кровати, а черт знает где. Я надеялась, что он хотя бы побреется и пострижется перед тем, как ехать сюда. Мне хочется, чтобы шафер моего жениха не выглядел как пещерный человек – я ведь не так уж много прошу, правда? Чуть позже я пошлю Уилла к Джонно с бритвой.

Уилл слишком добр с ним. По-видимому, он даже устроил Джонно пробы на «Дожить до утра», которые, разумеется, ни к чему не привели. Когда я спросила Уилла, почему он общается с Джонно, то он ответил, что все дело в «*одной истории*».

– Сейчас у нас не так уж много общего, – добавил тогда

он. — Но мы очень давно общаемся.

Хотя Уилл может быть и довольно безжалостным. Честно говоря, это одно из качеств, которое привлекло меня, когда мы только встретились, — я сразу поняла, что в этом мы с ним похожи. Помимо его золотистых локонов и обаятельной улыбки, мне нравились его амбициозность, его хватка, я их чувала под его внешним очарованием.

И вот что еще меня напрягает. Зачем Уиллу общаться с таким человеком, как Джонно, только из-за общего прошлого? Если только это прошлое не имеет над ним какую-то власть.

Джонно. Шафер

Уилл поднимается по лестнице с упаковкой «Гиннеса» в руках. Мы стоим на краю обрыва, на котором располагается «Каприз», и смотрим сквозь щели в каменной кладке. Земля далеко внизу, а кладка не очень прочная. Не стоит тут стоять тем, у кого от высоты кружится голова. Отсюда даже можно увидеть материк. Здесь я чувствую себя как король, солнце освещает мое лицо.

Уилл вытаскивает одну банку из упаковки.

– Вот, держи.

– Да, отличное пиво. Спасибо, дружище. И прости еще раз, что вас застукал, – подмигиваю я ему. – Я-то думал, такое надо придержать до медового месяца?

Уилл вскидывает брови, как сама невинность.

– Не знаю, о чем ты говоришь. Мы с Джулс обсуждали план рассадки.

– Да неужели? Теперь это так называется? Но я серьезно, – продолжаю я, – сожалею насчет костюма, Уилл. Я чувствую себя такой сволочью из-за того, что забыл его.

Я хочу, чтобы он знал, как мне стыдно, что я серьезно отношусь к своей роли шафера. И это правда, я хочу отдать ему должное.

– Не переживай, – говорит Уилл. – Не уверен, что мой запасной костюм тебе подойдет, но если что – он твой.

– Ты уверен, что Джулс не будет против? Она явно выглядела расстроенной.

– Да, – Уилл машет рукой. – Она переживет.

Что в переводе значит: нет, она будет против, но он ее уговаривает.

– Ладно. Спасибо, дружище.

Он делает глоток пива и опирается на каменную стену. Но потом, видимо, что-то вспомнив, интересуется:

– Да, кстати, ты не видел Оливию? Сводную сестру Джулс? Все пропадает где-то. Она немножко... – он крутит пальцем у виска, но вместо этого говорит, – ранимая.

Я встречал Оливию. Высокая и темноволосая, с пухлыми губами и ногами от ушей.

– Жаль, – говорю я. – Потому что... не поверю, будто, ты не заметил.

– Джонно, бога ради, ей девятнадцать лет, – возмущается Уилл. – Не будь подонком. Кроме того, она же сестра моей невесты.

– Девятнадцать, значит, все законно, – говорю я, в расчете еще больше раззадорить его. – Это же традиция! Шафер должен выбрать кого-то из подружек невесты. А раз она одна, у меня нет выбора...

Уилл кривит рот так, будто попробовал что-то на редкость отвратительное.

– Не думаю, что стоит следовать традиции, когда подружка невесты на пятнадцать лет тебя младше, полоумный, – от-

вечает он. Это в последнее время Уилл ведет себя как ханжа, но раньше он был тем еще Казановой. И дамочкам всегда нравился, чертов везунчик. – Не трогай ее, ладно? Занеси эту информацию в свою толстую черепушку, – он стучит костяшками пальцев по моей голове.

Мне не очень-то понравился комментарий про «толстую черепушку». Да, я действительно не самый умный парень на планете. Но мне все равно не нравится, когда со мной обращаются, как с бестолочью. Уилл это знает. И в школе меня всегда поддерживал. Так что я отщучиваюсь. Я знаю, что он это не всерьез.

– Слушай, – начинает Уилл, – нельзя, чтобы ты расхаживал и охмурял моих новоиспеченных родственников-подростков. Джулс меня *убьет*. Да она и тебя убьет.

– Да понял я, понял, – отвечаю я.

– И к тому же, – продолжает он, понизив голос, – есть еще одна проблема... она... ну, знаешь... – он снова крутит пальцем у виска. – Видимо, она унаследовала это от мамы Джулс. Слава богу, с самой Джулс все нормально. Короче, руки прочь, ясно?

– Ладно, ладно... – я отпиваю «Гиннесс» и громко рыгаю.

– Ты в последнее время занимался скалолазанием? – спрашивает Уилл, явно пытаясь сменить тему.

– Не-а, – отвечаю я. – Не совсем. Вот поэтому у меня есть это, – я похлопываю себя по животу. – Трудно выкроить время, когда тебе за это не платят, как тебе.

Самое смешное, что именно я всегда больше увлекался подобными вещами. Ну, всякие вылазки на природу. До недавнего времени я тоже зарабатывал этим на жизнь в туристическом центре Озерного края.

– Да, понимаю, – кивает Уилл. – Все это не так уж весело, как выглядит на экране.

– Я в этом сомневаюсь, чувак, – отвечаю я. – Тебе повезло заниматься самым крутым делом на свете и зарабатывать на этом.

– Ну, знаешь... там же не все правда, многое приукрашено...

Готов поспорить на что угодно – он нанимает каскадера для сложных трюков. Уиллу никогда не нравилось марать руки. Он, конечно, твердит, что много тренировался, но все же.

– И потом, эта прическа и макияж, – продолжает он, – которые кажутся такими нелепыми, когда ты снимаешь программу о выживании.

– Уверен, тебе все это нравится, – подмигиваю я. – Даже не пытайся меня обмануть.

Он всегда был немного тщеславным. Я это любя, конечно же, хотя мне и нравится выводить его из себя. Он симпатичный парень, и сам это знает. Сразу видно, что одежда на нем, даже джинсы, хорошая и дорогая. Может, это все влияние Джулс: она сама стильно одевается, и я вполне могу представить, как она заставляет его пройти по магазинам. Да и вряд ли он очень этому сопротивляется.

– Ну что, – говорю я, хлопая его по плечу, – готов вступить в брак?

Он ухмыляется и кивает.

– Да. Чего уж тут говорить? Я по уши влюблен.

Я удивился, когда Уилл сказал мне, что собрался жениться, врать не буду. Я всегда считал его безнадежным бабником. Ни одна женщина не может устоять перед этим его очарованием золотого мальчика. На мальчишнике он рассказал мне о нескольких его девушках до Джулс.

– В смысле, это было отчасти безумно, но круто. Я никогда еще не спал с таким количеством женщин, как во время начала моего шоу, даже в универе. Мне приходилось проверяться каждые пару недель. Но некоторые из них были сумасшедшими, типа прилипалы, понимаешь? У меня больше нет на это времени. А потом появилась Джулс. И она... идеальная. Она так уверена в себе, в том, чего хочет от жизни. Мы так похожи.

«Уверен, что и дом в Ислингтоне совсем не лишний, – не стал добавлять я. – Как и богатый папаша».

Я не стал подшучивать над этим – люди странно реагируют на разговоры о деньгах. Но если Уилл что и любил, может быть, даже больше женщин, так это деньги. Возможно, все дело в его детстве – у него всегда было меньше денег, чем у всех остальных в школе. Я понимаю. Его взяли потому, что его отец – директор школы, а я попал по спортивной стипендии. Моя семья точно не из богатых. Меня заметили

на школьном турнире по регби в Кройдоне, когда мне было одиннадцать, и подошли к моему отцу. Такое действительно случается: в моих краях очень важно собрать лучшую команду.

Снизу раздается голос:

– Эге-гей! Что вы там делаете?

– Ребята! – кричит Уилл. – Идите к нам! Чем больше, тем лучше.

Вот черт. Мне больше нравилось быть с Уиллом наедине.

И они поднимаются по лестнице – четверо его друзей. Я двигаюсь, чтобы освободить им место, и киваю каждому, когда они появляются: Феми, потом Ангус, Дункан и Питер.

– Твою-то мать, как высоко, – говорит Феми, заглядывая за край.

Дункан хватает Ангуса за плечи и делает вид, что пихает его.

– Опа, спас тебя!

Ангус издает пронзительный визг, и мы все смеемся.

– Не надо! – сердито говорит он, приходя в себя. – Господи, это же *чертовски* опасно.

Он цепляется за камень, будто от этого зависит вся его жизнь, и медленно пробирается вперед, чтобы сесть рядом с нами. Ангус всегда немного не вписывался в нашу компанию, но все его уважали за то, что в начале семестра он прилетел на вертолете своего отца.

Уилл протягивает упаковку «Гиннеса», где я уже при-

смастривался ко второй.

– Спасибо, чувак, – говорит Феми и смотрит на банки. – Пьем национальное достояние, да?

Пит кивает на землю далеко под нами.

– Думаю, тебе бы парочка не помешала, чтобы забыть об этом, Ангус.

– Да, но не пей *слишком* много, – вставляет Дункан. – Со всем забывать не надо.

– Ой, да заткнитесь, – сердито отвечает Ангус, краснея. Но он все еще выглядит бледным, и мне кажется, что он изо всех сил старается не смотреть за край.

– Я с собой такое взял, – говорит Пит вполголоса. – После этого вы правда поверите, что можете прыгнуть и полететь.

– Горбатого могила исправит, да, Пит? – подхватывает Феми. – Снова перебрал мамин шкафчик с таблетками? Я помню, какой тяжелой была твоя аптечка, когда ты вернулся после каникул.

– Да, – говорит Ангус. – Мы все должны сказать ей «спасибо».

– Я бы точно сказал ей «спасибо», – перебивает Дункан. – Если не ошибаюсь, твоя мама – горячая штучка, Пит.

– Надеюсь, ты завтра поделишься, дружище, – улыбается Феми.

Пит подмигивает ему.

– Ты меня знаешь. Я никогда не обижаю друзей.

– А почему бы не сейчас? – спрашиваю я. Мне нужно

немного расслабиться, а приход от травки, которую я курил недавно, уже закончился.

– Мне нравится твой настрой, Джей, – говорит Пит. – Но пока надо сдерживаться.

– Завтра чтобы все вели себя пристойно, – с наигранной строгостью просит Уилл. – Еще не хватало, чтобы друзья же-ниха его опозорили.

– Мы будем само совершенство, – заверяет Пит и кладет руку Уиллу на плечо. – Просто хотим убедиться, что навсегда заппомним свадьбу нашего парнишки.

Уилл всегда был центром, ядром всей нашей компании, мы все крутились вокруг него. Прекрасный спортсмен с хорошими оценками – разумеется, ему время от времени помогали. Его все любили. И к тому же, он всегда выглядел таким непринужденным, как будто ему все давалось легко. Но это только если вы не знаете его, как я.

Какое-то время мы сидим и пьем на солнце в тишине.

– Будто в школу вернулись, – с ностальгией в голосе говорит Ангус. – Помните, как мы проносили туда пиво? А потом забирались на крышу спортзала, чтобы там выпить.

– Ага, – соглашается Дункан. – Кажется, я припоминаю, что тогда ты тоже навалил в штаны.

Ангус хмурится.

– Катись *к черту*.

– Вообще-то пиво проносил Джонно, – вспоминает Феми. – Из того магазинчика в деревне.

– Да, – соглашается Дункан, – потому что он был высоким, уродливым, волосатым засранцем даже в пятнадцать, да, дружище? – он наклоняется и хлопает меня по плечу.

– И мы пили теплое пиво прямо из банки, – продолжает Ангус, – потому что нам негде было его охладить. Лучшее, что я когда-либо пил – даже сейчас, когда мы можем себе позволить пить чертов охлажденный Периньон каждый день, если захотим.

– Ты про то, как мы пили пару месяцев назад? – уточняет Дункан. – На ралли?

– Когда это было? – спрашиваю я.

– Ааа, – протягивает Уилл. – Прости, Джонно. Я просто понимал, что тебе слишком далеко ехать из Камбрии.

– Ясно, – говорю я. – Ну да, логично.

Я представляю, как они все пьют дорогое шампанское в зале Королевского Автомобильного Клуба – одного из тех модных мест, куда пускают только по членской карте. Понятно. Я делаю большой глоток «Гиннеса». Травка мне точно не помешает.

– Все дело в страхе, – говорит Феми, – тогда, в школе. Это главное. Мы знали, что нас могут поймать.

– Господи! – перебивает Уилл. – Нам правда обязательно вспоминать школу? Мне хватает того, что мой папа постоянно про нее затирает.

Он произносит это с ухмылкой, но я вижу, что он слегка прищурился, как будто его «Гиннесс» пошел не в то горло.

Мне всегда было жаль, что у Уилла такой отец. Неудивительно, что Уилл всегда так хотел себя проявить. Я знаю, что он предпочел бы вообще забыть о школе. Как и я.

– Тогда школа казалась такой мрачной, – вспоминает Ангус. – Но теперь, оглядываясь назад, – черт его знает, что это обо мне говорит, – я думаю, что в каком-то смысле это было самое важное время в моей жизни. В смысле, я бы точно не отправил туда своих детей – без обид, Уилл, – но не все было так уж плохо. Да?

– Ну не знаю, – отвечает Феми с сомнением. – Учителя меня часто выделяли. Хреновы расисты. – Он изображает беззаботность, но я знаю, что ему не легко было быть единственным темнокожим в классе.

– А мне нравилось, – говорит Дункан, и когда все на него смотрят, добавляет: – Честно! Теперь я понимаю, как важно это все было, понимаете? Я бы ни на что не променял те годы. Они нас сблизили.

– Короче, – вмешивается Уилл, – вернемся к настоящему. Я бы сказал, что у нас все сложилось удачно, согласны?

У него так точно все хорошо. Другие парни тоже не пропали в жизни. Феми – хирург, Ангус работает в строительной фирме отца, Дункан – венчурный инвестор, что бы это ни значило, а Пит рекламщик, что, пожалуй, никак не помогает его наркозависимости.

– А ты чем сейчас занимаешься, Джонно? – спрашивает Пит, поворачиваясь ко мне. – Ты раньше был инструктором

по скалолазанию, да?

Я киваю.

– В туристическом центре, – поясняю я. – И не только по скалолазанию. Походы, палатки...

– Ага, – перебивает меня Дункан. – Знаешь, я тут думал устроить мальчишескую вылазку и хотел с тобой это обсудить. Ты там договоришься о скидке?

– Я бы с радостью, – отвечаю я, думая о том, что такому богачу, как Дункан, и в помине не нужны никакие скидки. – Но я там больше не работаю.

– Что?

– Ага. Я открыл бизнес по продаже виски. Уже скоро выйдет первая партия. Может, через полгодика или типа того.

– И ты договорился с поставщиками? – спрашивает Ангус. В его голосе слышится разочарование. Наверное, такое не вписывалось в его представление о тупом Джонно. Я каким-то образом умудрился избежать рутинной офисной работы и при этом подняться.

– Да, – киваю я. – Все хорошо.

– «Уэйтроуз»? – спрашивает Дункан. – «Сейнсбери»?

– И все остальные.

– В этом деле серьезная конкуренция, – замечает Ангус.

– Да, – соглашаюсь я. – Куча проверенных марок, а еще знаменитостей – даже у этого бойца есть, Конора Макгрегора. Но мы хотели сделать что-то более, не знаю, домашнее, что ли. Как те новые марки джина.

– Нам повезло, что мы будем подавать его завтра, – говорит Уилл. – Джонно привез с собой. Мы и сегодня вечером попробуем. Напомни, как назвали марку? Я помню, что звучало хорошо.

– «Восставший из ада», – напоминаю я. Вообще, названием я очень горжусь. Оно отличается от всех этих старинных марок. И я немного бешусь, что Уилл забыл, – только вчера же показывал ему бутылки. Но ладно, парень завтра женится. Ему и так есть, о чем поразмыслить.

– Кто бы мог подумать? – удивляется Феми. – Мы все стали приличными людьми. А вышли из такого-то места. Опять же, без обид насчет твоего отца, Уилл. Но эта школа была как будто из другого века. Нам повезло, что живыми выбрались – каждый семестр по четыре человека уходило, если я не ошибаюсь.

Я бы никогда не смог уйти. Мои родные так обрадовались, что я получил спортивную стипендию и теперь пойду в дорогую школу – *закрытую* школу. И это откроет для меня столько возможностей, так они считали.

– Да, – соглашается Пит. – Помните того парня, который на спор выпил этиловый спирт в кабинете химии? Его пришлось везти в больницу. А потом у нескольких ребят случились нервные срывы...

– Вот черт, – взволнованно перебивает Дункан. – А еще тот наркоша, который умер. Выживают сильнейшие! – он улыбается каждому из нас. – Мы те, кто прошел через ад,

верно, парни? И все мы снова собрались в эти выходные!

– Да, – говорит Феми. – Но посмотрите на это. – Он наклоняет голову и показывает лысеющий затылок. – Мы уже постарели и стали скучными.

– За себя говори, чувак! – негодует Дункан. – Уверен, что мы еще можем зажечь, если потребуется.

– Только не на моей свадьбе, – предупреждает Уилл, но с улыбкой.

– *Особенно* на твоей свадьбе, – поправляет его Дункан.

– Я так и думал, что ты первый женишься, – говорит Феми Уиллу. – Учитывая твою популярность у женщин.

– А я наоборот думал, что ты никогда не женишься, – вмешивается Ангус, пытаясь подольститься, как и всегда. – Ты *слишком* популярный. Зачем тебе остепеняться?

– А помнишь ту девчонку, с которой ты спал? – спрашивает Пит. – Из местной компашки? И ту ее фотку топлес на полароид? Боже.

– Да, просто бесценная, – поддакивает Ангус. – До сих пор иногда думаю об этой фотке.

– Ага, потому что тебе никто не дает, – говорит Дункан.

Уилл ему подмигивает.

– В любом случае, учитывая, что мы все снова вместе – даже старые и скучные, как ты прекрасно выразился, Феми, – думаю, это заслуживает тоста.

– Я бы за это выпил, – соглашается Дункан, поднимая банку.

– И я, – присоединяется Пит.

– За выживших, – предлагает Уилл.

– За выживших! – повторяем мы. И на мгновение, когда я смотрю на остальных, они, правда, выглядят по-другому. Солнечный свет омолодил их как фильтр. С этого ракурса не видно ни лысины Феми, ни брюшка Ангуса, а Пит не выглядит как оборотень. И, если такое вообще возможно, даже Уилл стал выглядеть еще лучше, ярче. У меня вдруг возникло ощущение, что мы снова там, сидим на крыше спортивного зала, и ничего плохого еще не случилось. Я бы многое отдал, чтобы вернуться в то время.

– Так, – говорит Уилл, допивая остатки своего «Гиннеса». – Я лучше пойду вниз. Чарли с Ханной скоро приедут. Джулс хочет встретить их на пристани.

Наверное, как только все соберутся, праздник начнется по-настоящему. Но мне бы хотелось на пару минут задержаться в том мгновении, когда мы с Уиллом одни сидели на солнце – до того, как пришли остальные. В последнее время мы с ним почти не виделись. И все же именно он знает обо мне больше всех на свете. А я больше всех знаю о нем.

Оливия. Подружка невесты

Моя комната, видимо, раньше принадлежала прислуге. Довольно быстро я вычислила, что нахожусь прямо под спальней Джулс и Уилла. Прошлой ночью было слышно *все*. Разумеется, я старалась не слушать. Но чем больше я усердствовала, тем отчетливее в ушах отдавался каждый звук, каждый стон, каждый вздох. Словно они *хотели*, чтобы их слышали.

Сегодня утром они тоже этим занимались, но, по крайней мере, тогда я смогла сбежать из «Каприза». Нас всех просили не гулять по острову ночью. Но если сегодня будет то же самое, я ни за что здесь не останусь. Лучше уж рискнуть и утонуть в торфяном болоте или свалиться с утеса.

Я играюсь с телефоном, включая и выключая режим «В самолете», чтобы увидеть, произойдет ли что-нибудь с надписью «Нет сигнала», но ни черта не меняется. Да я и сомневаюсь, что мне кто-нибудь писал. Я потеряла связь со всеми своими друзьями. Не то чтобы наши дороги разошлись. Скорее я просто исчезла из их жизни после того, как бросила университет. Сначала они присылали мне сообщения.

Надеюсь, у тебя все хорошо, солнце
Позвони, если хочешь поговорить, Лив
Скоро увидимся, да?
Мы по тебе скучаем! ♥

Что случилось????

Внезапно я чувствую, что не могу дышать. Я тянусь к прикроватному столику. Там лезвие бритвы: такое маленькое, но такое острое. Я стягиваю джинсы и прижимаю бритву к внутренней стороне бедра, ближе к белью, вдавливаю его в кожу до тех пор, пока не идет кровь. Бордовая кровь на фоне бледной кожи. Это не такой уж большой разрез; я делала и побольше. Но боль фокусируется в одной точке, там, где металл пронзает кожу, и на мгновение кроме этого ничего не существует.

Дышать становится немного легче. Может, я сделаю еще один...

В дверь стучат. Я роняю лезвие и быстро натягиваю джинсы.

– Кто там? – спрашиваю я.

– Это я, – отвечает Джулс, открывая дверь прежде, чем я разрешаю ей войти – это так в стиле Джулс. Слава богу, что я реагирую молниеносно. – Нужно посмотреть на тебя в платье подружки невесты. У нас еще есть немного времени перед тем, как приедут Чарли с Ханной. Джонно забыл свой *чертов* костюм, так что я хочу убедиться, что хотя бы кто-то из ближнего круга будет выглядеть подобающе.

– Я уже его мерила, – отмахиваюсь я. – Оно хорошо сидит.

Ложь. Понятия не имею, подходит оно мне или нет. Я должна была прийти в магазин, чтобы его померить. Но я находила отговорки каждый раз, когда Джулс пыталась меня

туда затащить: в конце концов она сдалась и купила платье сама, но с условием, что я сразу же его померю и скажу, в пору ли оно. Я сказала, что все хорошо, но не смогла заставить себя его надеть. Оно так и лежит в большой вычурной коробке с того момента, как Джулс его привезла.

– Ты-то, может, и померила, – говорит Джулс. – Но я хочу посмотреть. – Внезапно она мне улыбается, будто вспомнила, что так принято. – Можем пойти в нашу спальню, если хочешь, – она произносит это таким тоном, будто это какая-то немислимая привилегия.

– Нет, спасибо, – отвечаю. – Я лучше останусь здесь...

– Пошли, – настаивает она. – У нас там большое зеркало.

Тогда я понимаю, что выбора у меня нет. Иду к шкафу и достаю большую сине-зеленую коробку. Джулс поджигает губы. Я знаю, ее бесит то, что я еще не повесила платье.

Когда я росла с Джулс, мне иногда казалось, что у меня две мамы, или одна, но такая же, как у всех остальных – властная, строгая и так далее. Сама-то мама такой никогда не была, в отличие от Джулс.

Я следую за ней в спальню. Несмотря на то, что Джулс ужасно чисто плотная, даже несмотря на то, что окно открыто, чтобы проветрить комнату, здесь пахнет телами, мужским лосьоном после бритья и, думаю (*не хочу думать*), сексом. Мне кажется неправильным находиться здесь, в их личном пространстве.

Джулс закрывает дверь и поворачивается ко мне, скрестив

руки на груди.

– Ну давай, – подгоняет она.

Кажется, что выбора у меня все равно нет. Джулс умеет внушить это чувство неизбежности. Я раздеваюсь до белья, крепко сжав ноги на тот случай, если на внутренней стороне бедра все еще идет кровь. Если Джулс увидит, совру и скажу, что у меня месячные. На коже выступают мурашки от легкого ветерка из окна. Я чувствую, как она на меня смотрит; мне бы хотелось, чтобы она оставила меня одну.

– Ты похудела, – критически замечает она. В ее тоне слышится забота, но она кажется наигранной. Я знаю, что она скорее всего завидует. Как-то раз она напилась и жаловалась мне, как ее в школе обзывали «толстухой». Она всегда отвешивает комментарии по поводу моего веса, как будто она не знает, что я всегда была худой, еще с самого детства. Но можно ненавидеть свое тело и когда ты худая. Чувствовать, будто оно от тебя что-то скрывает. Чувствовать, будто оно тебя подводит.

Но Джулс права. Я похудела. Сейчас я могу носить самые маленькие свои джинсы, и даже они с меня сваливаются. Я не пыталась похудеть, ничего такого. Но та пустота, которую я чувствую, когда не ем... она соответствует моему состоянию. Она кажется правильной.

Джулс вытаскивает платье из коробки.

– Оливия! – рассерженно вопит она. – Оно что, все время было в коробке? Ты посмотри на заломы! Этот шелк такой

тонкий... я думала, ты отнесешься к платью чуть бережнее. — Ее голос звучит так, будто она разговаривает с ребенком. Думаю, именно так ей и кажется. Но я больше не ребенок.

— Прости, — отвечаю. — Я забыла.

Ложь.

— Что ж, слава *богу* я взяла отпариватель. Но потребуется целая вечность, чтобы привести платье в порядок. Займешься этим потом. А сейчас просто надень его.

Она заставляет меня вытянуть руки, как маленькую, и натягивает платье через голову. Когда она это делает, я замечаю маленькую ярко-розовую отметину на внутренней стороне ее запястья. Думаю, это ожог. Он выглядит свежим, и я удивляюсь, как она его получила: обычно Джулс так осторожна, она не бывает настолько неуклюжей, чтобы обжечься. Но прежде, чем я успеваю рассмотреть ожог получше, она хватает меня за плечи и ведет к зеркалу, чтобы мы обе посмотрели, как я выгляжу в платье. Оно нежно-розового цвета, который я сама бы никогда не выбрала, потому что так я выгляжу еще бледнее. Почти такого же цвета, как этот шикарный маникюр, который Джулс заставила меня сделать в Лондоне неделю назад. Джулс была недовольна состоянием моих ногтей: она сказала маникюрше, чтобы та «сделала с ними все возможное». Теперь, когда я смотрю на свои руки, мне хочется рассмеяться: розовый блестящий лак в стиле жеманной принцессы шикарно сочетается с моей искусанной, кровоточащей кутикулой.

Джулс делает шаг назад, скрестив руки и сузив глаза.

– Оно немного висит. Боже, уверена, что это самый маленький размер. Ради *всего святого*, Оливия, лучше бы ты мне сказала, что тебе велико, – я бы отдала его ушить. Но... – она хмурится, неспешно выписывая вокруг меня круги. Я снова чувствую холодок и дрожу. – Не знаю, может, так оно тоже ничего. Пожалуй, это может сойти за *стиль*.

Я изучаю себя в зеркале. Фасон платья совсем не вульгарный: неглубокий круглый вырез, в стиле девяностых годов. Я даже сама могла такое выбрать, если бы оно было другого цвета. Джулс права: выглядит не ужасно. Но сквозь ткань просвечивают мои черные трусы и соски.

– Не переживай, – успокаивает Джулс, будто прочитав мои мысли. – Я взяла тебе бюстгальтер без бретелек. А еще купила телесные стринги – знала, что сама ты такое не возьмешь.

Супер. Так я буду чувствовать себя не такой чертовски голой, это точно.

Это так странно – стоять вот так вместе перед зеркалом, Джулс позади, и мы обе смотрим на мое отражение. Между нами есть очевидные различия. Во-первых, у нас совершенно разные фигуры, и у меня нос изящнее – мамин нос, – а у Джулс волосы лучше моих, такие густые и блестящие. Но когда мы стоим вот так, я вижу, что мы похожи больше, чем может показаться с первого взгляда. Форма лиц у нас обеих мамина. Сразу видно, что мы сестры, или почти сразу.

Интересно, замечает ли это Джулс, это сходство между на-

ми. У нее такое странное и напряженное выражение лица.

– Ох, Оливия, – вздыхает она. А потом – я вижу, как это происходит в зеркале перед нами, до того, как чувствую, – она тянется и берет мою руку. Я застываю. На Джулс это совсем не похоже: она не очень-то любит физический контакт и проявление эмоций.

– Слушай, – говорит она, – я знаю, что мы не всегда ладим. Но я *правда* горжусь, что ты моя подружка невесты. Ты ведь это знаешь, правда?

– Да, – отвечаю я. Но это похоже на какое-то карканье. Джулс сжимает мою руку – для нее это словно горячее объятие.

– Мама сказала, что ты рассталась с тем парнем? Знаешь, Оливия, в твоем возрасте это похоже на конец света. Но потом ты встретишь того, кто *правда* тебе подойдет, и почувствуешь разницу. Это как мы с Уиллом...

– Все в порядке, – заверяю я. – Все хорошо.

Ложь. Я не хочу говорить об этом ни с кем. Особенно с Джулс. Уж она точно не поймет, если я ей скажу, что не могу вспомнить, зачем я вообще когда-то красилась, надевала красивое нижнее белье, покупала новую одежду или ходила стричься. Как будто все это делал кто-то другой.

Внезапно я чувствую себя очень странно. Что-то вроде обморока и тошноты. Я слегка покачиваюсь, и Джулс ловит меня, ее руки крепко сжимают мои плечи.

– Все хорошо, – повторяю я до того, как она спросит,

что со мной. Я наклоняюсь и расстегиваю дорожные серые шелковые туфли, которые Джулс мне выбрала. Из-за украшенных пряжек это занимает целую вечность, потому что мои руки вдруг стали неуклюжими и непослушными. Затем я стягиваю платье через голову так резко, что Джулс резко вдыхает, будто думает, что оно может порваться. Я не пользовалась ее перчатками.

– Оливия! – возмущается она. – Что за *чертовщина* с тобой творится?

– Прости, – отвечаю я. Но шевелится только мой рот, никаких звуков из него так и не выходит.

– Слушай, – говорит она, – только на пару дней ты можешь хотя бы попытаться, хорошо? Это моя свадьба, Ливви. Я так старалась, чтобы она была идеальной. Я купила тебе это платье, и я хочу, чтобы ты его надела, потому что ты мне там нужна как подружка невесты. Для меня это *важно*. И для тебя это тоже должно быть важно. Разве ты этого не чувствуешь?

Я киваю.

– Да. Да, чувствую, – а потом, потому что мне кажется, что она ждет продолжения, я добавляю. – Все в порядке. Я не знаю, что... что на меня нашло. Теперь я в норме.

Ложь.

Джулс. Невеста

Я толкаю дверь в мамину комнату и оказываюсь в облаке духов «Шалимар», возможно, с примесью сигаретного дыма. Надеюсь, здесь она не курила. Мама сидит перед зеркалом в своем шелковом кимоно, деловито очерчивая губы своим фирменным ярко-красным цветом.

– Боже мой, какое убийственное выражение лица. Чего ты хочешь, дорогая?

Дорогая.

Какая извращенная жестокость чувствуется в этом слове. Мой тон спокоен и взвешен. Сегодня я веду себя лучше всех.

– Оливия будет хорошо себя завтра вести, правда?

Мама устало вздыхает. Потом отпивает из бокала напротив нее. Выглядит подозрительно похоже на мартини. Класс, она уже начинает с крепких напитков.

– Я выбрала ее подружкой невесты, – говорю я. – У меня был выбор еще из двадцати человек. – Это не совсем правда. – Но она ведет себя так, будто это непосильная ноша. Я почти ни о чем ее не просила. Она даже не пришла на девичник, хотя для нее была свободная комната в доме. Это выглядело так странно...

– Я могла прийти вместо нее, дорогая.

Я смотрю на нее. Мне бы и в голову не пришло, что она

хотела пойти. Кроме того, я бы ни за что на свете не пригласила свою мать на девичник. Тогда бы он превратился в скучную посиделку.

– Слушай, – снова начинаю я, – это все неважно. Это уже в прошлом. Но она может хотя бы попытаться *выглядеть так, будто счастлива* за меня?

– У нее был тяжелый период, – говорит мама.

– Ты имеешь в виду то, что ее бросил парень, или что там с ней произошло? Они встречались всего пару месяцев, если верить ее «Инстаграму». Вот это я понимаю, великая романтическая история! – несмотря на все мои благие намерения, в голос прокралась нотка раздражения.

Маме сейчас более важно как можно четче прорисовать свои губы.

– Но дорогая, – говорит она, закончив. – Если подумать, вы с красавчиком Уиллом тоже не *так уж* и долго были вместе.

– Это совсем другое дело, – раздраженно отвечаю я. – Оливии девятнадцать. Она еще подросток. Подростки *думают*, что любят, хотя на самом деле это просто гормоны играют. Я тоже думала, что влюблена, когда была в ее возрасте.

Я вспоминаю Чарли в восемнадцать лет: глубокий коричневый загар, белая линия, иногда видимая под его шортами. Мне пришло в голову, что мама не знала – или не хотела знать – о моих юношеских любовных историях. Она была слишком занята своей личной жизнью. И слава богу. Вряд ли

хоть какой-нибудь подросток хочет пристального родительского внимания. И все же я не могу не понимать, что все это лишь доказывает, что с Оливией они гораздо ближе, чем когда-либо были мы.

– Когда твой отец меня бросил, – говорит мама, – вспомни, что мне было примерно столько же. И у меня был новорожденный ребенок...

– Я знаю, мам, – заверяю я так терпеливо, как только могу. Я слышала историю о том, как мое рождение разрушило то, что *вероятно* стало бы удачной карьерой моей матери.

– Ты знаешь, каково мне пришлось? – спрашивает она. Ну вот, началось: все по старому сценарию. – Пытаться устроить карьеру и ухаживать за малышом? Пытаться заработать и хоть чего-то добиться? И все ради того, чтобы элементарно прокормить нас.

«Тебе необязательно было продолжать пытаться стать актрисой», – думаю я. – «Если ты действительно пыталась прокормить нас, то это не самый разумный способ. Нам необязательно было тратить весь твой мизерный доход на квартиру в центре Шафтсбери-авеню и голодать из-за этого. Я не виновата, что ты не думала головой, когда была подростком, и из-за этого залетела».

Как обычно, ничего из этого я не говорю вслух.

– Мы говорили об Оливии, – говорю я вместо этого.

– Нууу, – протягивает мама. – Давай скажем так, Оливия пережила немного больше, чем просто неудачные отноше-

ния.

Она рассматривает свои блестящие ногти – тоже ярко-красные, как будто она окунула пальцы в кровь.

«Ну конечно, – думаю я. – Это же Оливия, так что у нее все по-особенному». *Осторожнее, Джулс. Не будь злой. Веди себя хорошо.*

– А что тогда? – спрашиваю я. – Что еще случилось?

– Я не в праве говорить. – Это как-то на удивление тактично, учитывая характер моей матери. – И к тому же – в этом мы с Оливией похожи – у нее высокий уровень эмпатии. Мы не можем просто... задушить наши чувства и сделать вид, как некоторые люди.

Я знаю, что в каком-то смысле это правда. Знаю, что Оливия *правда* принимает все близко к сердцу, причем слишком близко. Она всегда возвращалась домой из школы с царапинами от игр и синяками из-за того, что постоянно во что-то врзалась. Она кусает ногти, у нее выпадают волосы, она слишком загоняется. Она «ранимая». Но еще она избалованная.

И я не могу не чувствовать скрытой нападки в мамин комментарии про «некоторых людей». Просто то, что остальные не выставляют все на всеобщее обозрение, просто то, что мы нашли способ *управлять* своими чувствами, – не значит, что их нет.

Дыши, Джулс.

Я вспоминаю, как странно смотрела на меня Оливия, ко-

гда я ей сказала, что счастлива видеть ее в качестве подружки невесты. Я не могла не ощутить боль, когда, примеряя платье, она выскользнула из своей одежды и открыла свое стройное тело без растяжек. Я знаю, она чувствовала, что я на нее смотрю. Она, конечно, слишком худая и слишком бледная. И все же она бесспорно выглядела великолепно. Как одна из тех героиновых моделей девяностых: Кейт Мосс, развалившаяся на кровати со сверкающей гирляндой позади нее. Глядя на нее, я разрывалась между двумя чувствами, которые всегда испытываю, когда речь заходит об Оливии: глубокой, почти болезненной нежностью и постыдной, тайной завистью.

Пожалуй, я не всегда относилась к ней настолько тепло, насколько могла бы. Теперь она стала старше, немного поумнела – и в последнее время, особенно после моей помолвки, стала заметно спокойнее. Но когда Оливия была моложе, она таскалась за мной, как радостный щенок. Я слишком привыкла к ее проявлениям безответной привязанности. Даже несмотря на мою зависть.

Мама внезапно поворачивается ко мне. Ее лицо становится очень серьезным, что совсем на нее не похоже.

– Послушай, у нее были тяжелые времена, Джулс. Ты не знаешь и половины. Бедная девочка так много всего пережила.

Бедная девочка. Тогда я это чувствую. Я думала, что уже привыкла. И со стыдом понимаю, что все не так: за грудной

клеткой я ощущаю маленький укол ревности.

Я делаю глубокий вдох. Напоминаю себе, что вот она я, выхожу замуж. Если у нас с Уиллом будут дети, их детство не будет похоже на мое – мама со своей вереницей любовников, все эти актеры вечно «на пороге серьезного прорыва». Кто-то находил мне укромный уголок, прямо на верхней одежде, чтобы я могла поспать на бесконечных тусовках в Сохо, потому что мне было всего шесть, а всех моих одноклассников родители уже несколько часов назад уложили в кровать.

Мама отворачивается к зеркалу. Она щурится на свое отражение, собирает волосы, скручивает их на затылке.

– Надо хорошо выглядеть для новоприбывших, – говорит она. – Ну разве они не *красавцы*, все эти друзья Уилла?

О боже.

Оливия и понятия не имеет, как хорошо ей жилось, как ей повезло. У нее все было нормально. Когда ее отец, Роб, был дома, мама становилась такой образцовой матерью: готовила обед, отправляла ее спать в восемь вечера, у Оливии была комната с кучей игрушек. В конце концов маме надоело играть в счастливую семью. Но уже после того, как у Оливии случилось полноценное, счастливое детство. Уже после того, как я начала *ненавидеть* эту малявку за то, что у нее есть все, в чем она даже не отдает себе отчет.

Меня так и подмывает что-нибудь сломать. Я хватаю свечу «Сир Трюдон» с туалетного столика, сжимаю ее и представляю, каково это – смотреть, как она разлетается вдре-

безги. Я больше так не делаю – теперь у меня все под контролем. Я точно не хочу, чтобы Уилл увидел эту мою сторону. Но в кругу семьи я понимаю, что деградирую, что позволяю всей этой мелочности, зависти и боли вернуться, пока не становлюсь подростком-Джулс, которая расписывает план, чтобы сбежать. Я должна быть сильнее этого. Я проложила свой путь. Я построила все сама – нечто стабильное и сильное. И эти выходные это только подтверждают. Мой победный марш.

Я слышу, как за окном глушат мотор лодки. Наверное, Чарли приехал. С Чарли я почувствую себя лучше.

Я ставлю свечу на место.

Ханна. Плюс один

К тому времени, когда мы наконец-то достигаем более спокойных вод бухты, меня уже трижды стошнило, я промокла, промерзла до костей, чувствую себя выжатой, как тряпка; я цепляюсь за Чарли, как за спасательный круг. Не знаю, как я выйду из лодки, потому что ноги ватные. Интересно, Чарли стыдно появляться со мной в таком виде? Он всегда ведет себя немного странно с Джулс. Моя мама назвала бы это «задирать нос».

– Вот, смотри, – говорит Чарли, – видишь там пляжи? Песок и правда белый.

Я вижу, как море на мелководье приобретает изумительный аквамариновый оттенок, как свет отражается от волн. С одного конца остров срезается крутыми утесами и гигантскими выступами. На другом конце, прямо на мысе, стоит кажущийся издалика крошечным замок, возвышающийся над несколькими обрывами и грохочущим внизу морем.

– Посмотри на замок, – говорю я.

– Думаю, это «Каприз», – решает Чарли. – По крайней мере, так его называла Джулс.

– Да уж, богачи любят всему придумывать названия.

Чарли оставляет это без комментариев.

– Мы будем спать там. Так здорово. И это отличное развлечение. Я знаю, что этот месяц всегда дается тебе непро-

сто.

– Да, – киваю я.

Чарли сжимает мою руку. Какое-то время мы оба молчим.

– Ну и, знаешь, – внезапно добавляет он. – Побудем без детей для разнообразия. Снова почувствуем себя свободными людьми.

Я бросаю на него взгляд. Это что, нотка сожаления в его голосе? Да, правда, в последнее время мы только и делали, что оберегали жизнь двух маленьких человечков. Иногда мне кажется, что Чарли немножко ревнует, учитывая, сколько любви и внимания я уделяю малышам.

– Помнишь, как было раньше? – спросил Чарли час назад, пока мы проезжали через живописный сельский пейзаж Коннемары, любясь красным вереском и темными склонами. – Когда мы садились в поезд с палаткой и отправлялись куда-нибудь в поход на выходные? Боже, кажется, что это было уже так давно.

Тогда мы все выходные напролет занимались сексом, отвлекаясь только для того, чтобы поесть или прогуляться. У нас всегда были деньги. Да, теперь мы богаты по-другому, но я понимаю, к чему клонит Чарли. Мы стали первыми в нашей компании, у кого появились дети, – я забеременела Беном еще до того, как мы поженились. И хотя я ничего не поменяла бы, все же я думаю, не упустили ли мы пару лет беззаботного веселья. Во мне есть еще одно «Я», и иногда кажется, что оно утеряно безвозвратно. Девушка, которая всегда

согласна выпить еще бокал, которая любит танцевать. Иногда мне ее не хватает.

Чарли прав. Нам необходимы спокойные выходные наедине друг с другом. Я только хотела, чтобы наш первый настоящий побег за много лет выдался не на гламурную свадьбу наводящей на меня страх подружки Чарли.

Я не хочу слишком сильно задумываться о том, когда мы в последний раз занимались сексом, потому что знаю – ответ будет слишком удручающим. В любом случае, довольно давно. В честь этих выходных я сделала свою первую эпиляцию зоны бикини за... боже, долгое время, не считая тех восковых полосок, которые в основном так и лежат в шкафу в ванной. Теперь, когда у нас появились дети, иногда кажется, что мы больше похожи на коллег или партнеров в маленьком любительском стартапе, которому мы посвящаем все внимание, но никак уж не на любовников. Любовники. Когда мы в последний раз так о себе думали?

– Черт, – говорю я, чтобы отвлечь себя от этих мыслей. – Ты посмотри на этот шатер! Просто громадный.

Он такой большой, что скорее похож на крытый город, чем на одиночную постройку. Если кто и закажет себе *настоящему* шикарный шатер, то это точно Джулс.

Вблизи остров выглядит еще враждебнее, чем казалось издали. Поверить не могу, что мы будем жить в этих непроходимых дебрях следующие пару дней. Когда мы подплываем ближе, я вижу скопление маленьких, темных зданий по-

зади «Каприза». А на вершине холма, возвышающегося за шатром, – полоса темных очертаний. Сначала я думаю, что это люди; армия фигур, ожидающая нашего прибытия. Вот только они кажутся неестественно неподвижными. Когда мы подплываем ближе, я осознаю, что странные фигуры похожи на надгробные плиты. И то, что выглядело как головы, – на самом деле кельтские кресты, вписанные в окружность.

– А вот и они! – говорит Чарли и машет рукой.

Теперь я вижу силуэты на причале, машущие в ответ. Приглаживаю волосы руками, хотя мой неудачный опыт подсказывает, что от этого они только сильнее растреплются. Жаль, что у меня нет бутылки воды, чтобы избавиться от кислого привкуса во рту.

Когда мы подходим ближе, я уже могу разглядеть людей. Я вижу Джулс, и даже с такого расстояния ясно, что она выглядит безупречно: единственный человек, который может носить белое в таком месте и не испачкаться. Рядом с Джулс и Уиллом стоят две женщины, которые, по моему предположению, должны быть родственницами Джулс – их выделяют блестящие темные волосы.

– А вон мама Джулс. – Чарли показывает на женщину постарше.

– Ничего себе, – отвечаю я. Она выглядит совсем не так, как я думала. На ней облегающие черные джинсы, черные остроугольные очки подняты наверх.

– Да, она родила Джулс совсем молодой, – поясняет Чар-

ли, будто читая мои мысли. — А это, видимо... Боже ты мой! Судя по всему, это Оливия. Сводная младшая сестренка Джулс.

— Она уже совсем не маленькая, — замечаю я. Оливия выше, чем ее сестра и мать, и совсем не похожа на фигуристую Джулс. Она очень привлекательна, даже красива, кожа у нее бледная-бледная, но только с такими черными волосами, как у Оливии, она смотрится эффектно. Ее ноги в джинсах выглядят как две тонкие длинные линии, выведенные углем. Боже, я бы убила за такие ноги.

— Поверить не могу, как она выросла, — удивляется Чарли. Теперь он практически шепчет, потому что мы подплыли достаточно близко, чтобы нас могли услышать. Голос Чарли звучит несколько испуганно.

— Это она тогда на тебя запала? — спрашиваю я, выуживая этот факт из полузабытых разговоров с Джулс.

— Да, — отвечает Чарли с виноватой ухмылкой. — Боже, Джулс постоянно меня дразнила. Мне было так неловко. Смешно, да, но все равно неловко. Оливия постоянно находила причины, чтобы поговорить со мной, и сновала вокруг меня в такой пугающе-провокативной манере, которая подвластна только тринадцатилетним девочкам.

Я смотрю на божественное создание на причале и думаю: «Уверена, сейчас ему бы не было неловко».

Мэтти суетится вокруг нас, снимая с одной стороны ограждение и готовя веревку.

К нему подходит Чарли.

– Давайте помогу.

Мэтти отмахивается от помощи, что, как мне кажется, немного обижает Чарли.

– Бросай сюда! – Уилл шагает к нам по причалу. На экране он смотрится очень хорошо. В жизни же он... просто сногшибательный.

– Давай я помогу! – кричит он Мэтти. Тот бросает ему веревку, и Уилл ловко ловит ее в воздухе, демонстрируя мускулистый живот под вязаным джемпером. Интересно, не показалось ли мне, что Чарли весь ошетинился? Лодки – это его конек: в молодости он был инструктором по парусному спорту. Но выглядит так, будто все, что связано со спортом, – это конек Уилла.

– Добро пожаловать! – он улыбается и протягивает мне руку. – Помочь?

Вообще, я и сама справилась бы, но все равно беру его руку. Он хватает меня под мышки и перекидывает через край лодки, будто я легкая, словно дитя. Я ловлю тонкий маскулиный запах – мох и кедр – и с ужасом думаю, как пахну сама. Наверное, как рвота и водоросли.

Я сразу могу сказать, что в реальной жизни он тоже обладает этим очарованием, этим магнетизмом. В одной из статей, которые я о нем читала, когда смотрела шоу – потому что, разумеется, я была просто обязана нагуглить о нем все что можно, – журналистка пошутила, что в основном смот-

рела шоу только потому, что не могла оторвать глаз от Уилла. Многие пришли в ярость, утверждая, что это объективация, что если такой же комментарий был бы в сторону женщины, то журналиста поджарили бы заживо. Но я уверена, что после этой статьи пиарщики шоу поздравили себя с успехом.

Если честно, я понимаю, о чем говорила журналистка. В интернете куча фотографий Уилла, раздетого по пояс или взбирающегося по скале, где он всегда выглядит невероятно привлекательным. Но дело не только в этом. У него особая манера перед камерой, какая-то интимность, отчего сразу кажется, будто ты лежишь рядом с ним во временном убежище, которое он соорудил из веток и коры деревьев, и моргаешь в свете его фонарика. Возникает чувство уединения, будто вы в пустыне одни, очаровательно.

Чарли протягивает Уиллу руку.

– Да к черту это! – отмахивается Уилл от руки и крепко обнимает Чарли. Я даже со своего места вижу, как напряглась спина Чарли.

– Уилл, – приветствует его Чарли отрывистым кивком, сразу же отступая назад. Это кажется вопиющей наглостью на фоне столь приветливого Уилла.

– Чарли! – теперь к нам с распростертыми объятиями идет Джулс. – Как давно мы не виделись. Боже, я так соскучилась!

Джулс, вторая женщина в жизни Чарли. Самая главная женщина, пока не появилась я. Их объятие длится долго.

Наконец мы следуем за Джулс и Уиллом к «Капризу».

Уилл рассказывает нам, что первоначально замок был построен как оборонительное сооружение, а в прошлом веке превращен каким-то богатым ирландцем в дом отдыха: здесь можно было уединиться на несколько дней, отдохнуть с друзьями. Но если бы вам этого не сказали, то вы бы легко поверили, что замок так и не трогали со средневековья. К замку пристроена маленькая башенка, а кроме больших окон видны и совсем крошечные: «Ложные бойницы», – сообщает нам Чарли, он очень любит замки.

По дороге мы проходим мимо часовни, или, скорее, того, что от нее осталось, скрытой за «Капризом». Крыша почти полностью обвалилась, остались только стены и пять высоких колонн – то, что когда-то могло быть шпилями, – тянущиеся к небу. Окна зияют пустыми дырами в камне, а весь фасад давно обвалился.

– Там завтра состоится церемония, – говорит Джулс.

– Как красиво, – отвечаю я. – И так романтично.

Этого от меня и ждут. И, полагаю, это правда красиво, в определенном смысле слова. Мы с Чарли поженились в местном загсе. Уж это точно не было красиво: убогая офисная комнатка, потертая и тесная. Джулс, разумеется, тоже там была и смотрелась довольно неуместно в своем дизайнерском наряде. Вся церемония закончилась, как мне показалось, за двадцать минут, мы даже видели следующую пару, когда выходили из зала.

Но я бы не хотела выходить замуж в такой часовне. Кра-

сиво, да, но в этой красоте определенно есть что-то трагическое, даже жуткое. Эта часовня выделяется на фоне неба, как скрюченная рука с длинными пальцами, тянущаяся вверх от земли. Выглядит так, будто там водятся призраки.

Я наблюдаю за Уиллом и Джулс, пока мы идем позади. Никогда бы не сказала, что Джулс очень чувственный человек, но сейчас ее руки всюду касаются Уилла, будто она просто не может держать их при себе. Сразу видно, что они занимаются сексом. И очень часто. Тяжело смотреть, как ее рука скользит в задний карман его джинсов, а потом вверх под футболку. Уверена, что Чарли тоже заметил. Но я об этом не заговорю. Это лишний раз напомнит ему, насколько скудны наши интимные отношения. Раньше у нас был прекрасный, безумный секс. Но сейчас мы так устаем. И я ловлю себя на мысли, что со времен родов чувствую себя по-другому по отношению к Чарли: любит ли он меня так же сильно теперь, когда моя грудь выглядит по-другому из-за кормления, а кожа на животе обвисла? Я знаю, что не *должна* задаваться такими вопросами, потому что мое тело совершило чудо, даже два. И все же это очень важно, чтобы в отношениях оставалось желание, так ведь?

За все то время, что мы с Чарли были вместе, у Джулс никогда не было длительных отношений. Мне всегда казалось, что у нее нет времени на что-то серьезное из-за ее работы в «Загрузке». Чарли всегда нравилось предугадывать, сколько продержится новый парень: «Максимум три месяца» или

«А у этого вообще уже давно истек срок годности». И когда она все-таки переживала расставания, то всегда звонила Чарли. Часть меня задается вопросом, что он чувствует теперь, когда видит, что Джулс наконец-то остепенилась. Что-то мне подсказывает, что не радость. Мои подозрения насчет этих двоих опять грозят выплыть наружу. Я стараюсь быстрее отогнать эти мысли.

Когда мы подходим к особняку, откуда-то сверху раздается громкий хохот. Я поднимаю глаза и вижу группу людей на вершине зубчатой стены «Каприза», смотрящих на нас сверху вниз. В этом смехе слышится легкая издевка, и я внезапно вспоминаю, в каком состоянии сейчас мои одежда и волосы. Уверена, что это играет не последнюю роль в их веселье.

Оливия. Подружка невесты

Встреча с Чарли напоминает мне, как я им грезила. На самом деле, прошло всего пару лет... но я тогда была ребенком. Думать о той девочке, которой я была раньше, довольно унизительно. Но и немного грустно.

Я ищу, где бы мне от них спрятаться. Иду по тропинке мимо разрушенных домов, оставшихся с тех времен, когда на этом острове еще кто-то обитал. Джулс сказала мне, что все уехали отсюда, потому что на материке жить проще, с электричеством и прочими удобствами. Я понимаю. Сама мысль о том, чтобы находиться здесь постоянно, легко может свести с ума. Даже если бы вам удалось доплыть на лодке до «большой земли», вы все равно оказались бы в глуши. Ближайший, ну, не знаю, например *H&M*, будет за сотни километров. Я всегда жаловалась, что мы с мамой живем в какой-то дыре, но сейчас я благодарна, что эта дыра хотя бы не на острове посреди Атлантики. Так что да, я понимаю, почему отсюда хочется сбежать. Но глядя на эти заброшенные дома с пустыми окнами и полуразрушенными фасадами, трудно не предполагать, что здесь случилось нечто ужасное.

Вчера я что-то заметила на одном из пляжей; больше по размеру, чем камни вокруг, серое, но гладкое и мягкое с виду. Я подошла, чтобы посмотреть поближе. Это был мертвый тюлень. Совсем малыш, судя по его размеру. Я сделала

еще пару шагов, и тогда меня будто ударило током. С другой стороны, которую раньше было не видно, тело тюленя было полностью вскрыто, темно-красное, с вываливающимися наружу внутренностями. Я не могу отделаться от этого образа. С того момента это место заставляет меня задумываться о смерти.

Я всего за несколько минут спускаюсь в пещеру, которая отмечена на карте острова в «Капризе». Она называется «Пещера шепота». Как длинная рана в земле – открытая с обеих сторон. Ее легко можно не заметить и упасть, вход зарос длинной травой. Когда я вчера на нее наткнулась, то правда чуть не свалилась. Я бы сломала себе шею. Это бы точно разрушило идеальную свадьбу Джулс. Эта мысль заставляет меня улыбнуться.

Я спускаюсь в пещеру по камням, которые слегка напоминают ступеньки. Весь этот шум в моей голове уходит на задний план, и дышится сразу легче, даже учитывая противный запах пещеры – сера и, возможно, что-то гнилое. Он мог исходить от водорослей, разбросанных повсюду, как большие темные веревки. Или, может, вонь исходит от стен, покрытых желтым лишайником.

Передо мной – крошечный галечный пляж с раскинувшимся вдаль, бесконечным морем. Я сажусь на камень. Он сырой, но здесь так везде. Я чувствовала с утра эту сырость на одежде, как будто ее недавно постирали и она еще не успела высохнуть. Если я сейчас облизну губы, то почувствую на

коже привкус соли.

Я подумываю о том, чтобы остаться здесь надолго, даже на ночь. Я могу прятаться здесь до самого окончания церемонии. Джулс, разумеется, будет в ярости. Хотя... может, она только притворится рассерженной, но на самом деле втайне почувствует облегчение. Мне кажется, что на самом деле она не хочет видеть меня на своей свадьбе. Думаю, она обижается на меня за то, что со мной мама общается больше, а еще у меня есть папа, который хоть иногда хочет меня видеть. Я знаю, что веду себя как стерва. Джулс иногда очень добра ко мне – например, прошлым летом она разрешила мне остаться в ее квартире в Лондоне. И когда я вспоминаю об этом, мне становится плохо, будто у меня неприятный привкус во рту.

Я достаю телефон. Из-за паршивой сети мой «Инстаграм» не обновляется, и в начале ленты завис тот же пост. Разумеется, он от Элли. Как будто надо мной издеваются. И внизу комментарии:

Ребята, вы ♥♥♥

ОМГ, как мииило

мама + папа

#милота ♥

так что, это уже официально? *подмигивает*

Мне все еще больно. Разрывает в центре груди. Я смотрю на их самодовольные счастливые лица, и часть меня хочет

как можно сильнее швырнуть телефон о скалу. Но это не решит мои проблемы. Телефон разобьется, а они останутся.

До меня долетает шорох – шаги, – и от шока я едва ли не роняю телефон.

– Кто здесь? – спрашиваю я. Мой голос звучит неуверенно и испуганно. Я очень надеюсь, что это не шафер, Джонно. Я заметила, как он меня разглядывал.

Я встаю и начинаю выбираться из пещеры, держась поближе к стене, покрытой тысячью крошечных шершавых ракушек, которые царапают мои пальцы. Наконец я просовываю голову за каменную стену.

– О боже! – фигура спотыкается и прижимает руку к груди. Это жена Чарли. – *Господи!* Ты так меня напугала. Я и не думала, что тут кто-то есть, – у нее приятный акцент, северный. – Ты Оливия, да? Меня зовут Ханна, я замужем за Чарли.

– Да, – отвечаю. – Это я поняла. Привет.

– Что ты здесь делаешь? – она озирается, как будто проверяя, не подслушивает ли нас кто. – Ищешь место, чтобы спрятаться? Я тоже.

После этого я решаю, что она мне нравится.

– Ой, – вдруг говорит она, – наверное, прозвучало грубо, да? Просто... мне кажется, Чарли и Джулс будет легче разговаривать, если меня не будет рядом. Знаешь, у них же такая история, и меня в ней нет.

Она звучит так, будто ее это достало. История. Я на 90 %

уверена, что в какой-то момент в прошлом Джулс спала с Чарли. Интересно, задумывалась ли об этом Ханна?

Ханна садится на выступ скалы. Я тоже сажусь, потому что я сюда первая пришла. Очень надеюсь, что Ханна поймет намек и оставит меня в покое. Достаяю из кармана пачку сигарет и вытаскиваю одну. Жду, что на это скажет Ханна. Она молчит. Поэтому я решаю пойти дальше, даже проверить ее, и протягиваю ей пачку и зажигалку. Ханна морщится.

– Мне нельзя, – говорит она, а потом вздыхает. – Хотя почему нет? Мы так сюда добирались... меня до сих пор дрожь берет, – и она протягивает руку, чтобы показать.

Ханна закуривает, делает большую затяжку и снова глубоко вздыхает. Сразу видно, что ее начало немного мутить.

– Ничего себе, мне прямо сразу дало в голову. Я так давно не курила. Бросила, когда забеременела. Но я часто курила, когда ходила по клубам. – Она понимающе смотрит на меня. – Да, знаю, ты сейчас подумала, что это было сто лет назад. Чувствуется точно так.

Мне немного стыдно, потому что я и правда так подумала. Но когда я рассматриваю ее чуть внимательнее, то замечаю, что одно ухо проколото четыре раза, а на запястье из-за рукава выглядывает татуировка. Может, у нее есть другая сторона. Ханна делает еще одну глубокую затяжку.

– Боже, как приятно. Когда бросила, то считала, что в конце концов забуду этот вкус и не буду о нем вспоминать. – Она громко и искренне смеется. – Ага, размечталась.

После этого Ханна выдыхает идеальное колечко из дыма. Несмотря ни на что, меня это впечатляет. Каллум как-то пытался так сделать, но у него так и не получилось.

– Так ты поступила в универ, да? – спрашивает она.

– Да, – отвечаю я.

– Какой?

– В Эксетере.

– Он же вроде хороший?

– Ну да, – пожимаю я плечами. – Пожалуй.

– А я не поступала, – говорит Ханна. – И никто в моей семье не ходил в универ, – она прокашливается. – Кроме моей сестры Элис.

Я и не знаю, что на это сказать. В моем окружении все поступали в университет. Даже мама ходила на актерские курсы.

– Элис всегда была умнее всех, – продолжает Ханна. – А я в нашей семье была самой взбалмошной, представь себе. Мы обе ходили в отстойную школу, но Элис закончила на отлично, – она стряхивает с сигареты пепел. – Прости, я знаю, что достаю. Просто последнее время часто о ней думаю.

Я замечаю, как меняется ее выражение лица. Но мне кажется, что раз мы совсем не знакомы, я не могу ее об этом спросить.

– Ну да ладно, – меняет тему Ханна. – Тебе нравится в Эксетере?

– Я туда больше не хожу, – отвечаю я. – Я бросила.

Не знаю, почему это сказала. Было бы намного проще подыграть и притвориться, что я все еще там учусь. Но я внезапно почувствовала, что не хочу ей врать.

– Правда? – хмурится Ханна. – Так тебе там не понравилось?

– Нет, – говорю я. – Просто... у меня был парень. И он меня бросил.

Боже, как жалко это звучит.

– Видимо, он та еще скотина, – замечает Ханна. – Если ты бросила из-за него универ.

Когда я думаю обо всем, что произошло за последний год, в голове одновременно сгущается туман и куда-то исчезают все мысли, и я не могу мыслить здраво и разложить все по полочкам. Это абсолютно нелепо, особенно сейчас, когда я, наоборот, пытаюсь собраться. Думаю, не рассказав всех подробностей, это невозможно объяснить. Поэтому я лишьжимаю плечами и говорю:

– Пожалуй, он был моим первым настоящим парнем.

«Настоящим» – значит кем-то больше, чем просто интрижка на маленьких вечеринках. Но этого я Ханне не скажу.

– И ты его любила, – добавляет она.

Это не вопрос, так что мне необязательно отвечать, но я все равно киваю.

– Да, – говорю я тихим и хриплым голосом. Я не верила в любовь с первого взгляда, пока не увидела Каллума на ве-

черинке первокурсников, этого парня с черными кудряшками и голубыми глазами. Он так чувственно мне улыбнулся, и я сразу решила, будто знаю его. Как будто нам суждено было найти друг друга и быть вместе.

Каллум первым сказал: «Я тебя люблю». А я так боялась показаться сволочью. Но в конце концов мне тоже *пришлось* это сказать, будто эта фраза рвалась из меня. Когда он меня бросил, то сказал, что всегда будет меня любить. Но это полнейшая чушь. Если ты любишь, то не делаешь *все*, чтобы ранить.

– Дело не только в том, что он меня бросил, – быстро продолжаю я. – А как бы... – я тоже делаю глубокую затяжку, мои руки трясутся. – Думаю, если бы Каллум меня не бросил, то всего остального не произошло бы.

– Всего остального? – спрашивает Ханна. Она садится на краешек скалы, явно заинтригованная.

Я не отвечаю. Пытаюсь придумать, как сменить тему, но не нахожу нужных слов. Но она и не давит. Между нами повисла длинная пауза, и мы просто сидели и курили.

– Черт! – вздрагивает через некоторое время Ханна. – Мне кажется, или уже сильно потемнело с тех пор, как мы тут сели?

– Наверное, солнце уже садится, – замечаю я.

Нам его отсюда не видно, потому что пещера выходит не в том направлении, но небо уже подернулось розовой пеленой.

– О боже, – говорит Ханна. – Нам нужно возвращаться к «Капризу». Чарли ненавидит опаздывать. Учительские замашки. Пожалуй, я могу еще десять минут попрятаться, но... – и она тушит сигарету.

– Иди, – отмахиваюсь я. – Это неважно.

Она прищуривается.

– А звучало так, будто важно.

– Нет, – заверяю ее я. – Честно.

Поверить не могу, что практически рассказала ей обо всем. Я никому об этом не говорила. Даже своим друзьям. Но это такое облегчение. Если рассказать, то назад уже не вернуть. И тогда мир об этом узнает: что я сделала.

Ифа. Свадебный организатор

Семь часов. В столовой все накрыто. Фредди позаботился о еде, так что у меня есть свободные полчаса. Я решаю сходить на кладбище. Там нужно заменить цветы, завтра точно будет не до этого.

Когда я выхожу, солнце только начинает садиться, расцветивая воду огненными всполохами. От этого туман, охраняющий секреты болота, становится розовым. Это мое любимое время суток.

Наверху сидят гости: я слышу их плывущие вниз голоса, когда выхожу из «Каприза». Они звучат громко и немного невнятно – без сомнения, это «Гиннесс» постарался.

– Надо как следует отпраздновать.

– Да, мы сделаем хоть *что-нибудь*. Это же традиция...

Меня подмывает остаться и подслушать – убедиться, что они не планируют устроить хаос на моем празднике. Но их варианты звучат вполне безобидно. И в любом случае, у меня не так уж много времени.

В этот вечер остров выглядит особенно красиво, освещенный лучами заходящего солнца. Но, наверное, он больше никогда не покажется мне настолько прекрасным, каким я его запомнила во время детских поездок. Мы вчетвером приезжали сюда всей семьей на летние каникулы. Больше никто на свете не знал такой безмятежности. Но это лишь носталь-

гия – тирания тех воспоминаний детства, которые кажутся такими золотыми, такими совершенными.

Когда я дохожу до кладбища, то слышу шепот, среди надгробий гуляет легкий ветерок. Может, он предвещает нам завтрашнюю погоду. Иногда, когда поднимается настоящий ветер, складывается ощущение, что он приносит с собой голоса женщин из прошлых веков, исполняющих *caoineadh* – ритуальный плач по умершим.

Могилы здесь расположены необычайно близко друг к другу, потому что подходящей земли на острове не хватает. И даже сейчас болото уже начало обгрызать края, засасывать пару могил, пока от них не осталось только несколько сантиметров. Некоторые из надгробий придвинулись еще ближе, наклоняясь к соседям, будто делясь секретом. Те имена, которые еще можно различить, на Коннемаре были распространены: Джойс, Фоли, Келли, Коннели.

Так странно думать о том, что мертвых на этом острове гораздо больше, чем живых, – даже сейчас, с учетом гостей. Завтра равновесие восстановится.

Об этом острове гуляет куча местных суеверий. Когда мы с Фредди купили «Каприз» где-то год назад, на него больше никто не претендовал. К людям с острова всегда относились с опаской, воспринимали их как отдельный вид.

Я знаю, что жители материка считают нас с Фредди чужаками. Я, «новомодная» горожанка Дублина, и Фредди, англичанин – парочка, которая не соображает, которая слиш-

ком много на себя взяла. Которая не знает о темной истории Иниш ан Амплора, о его призраках. На самом деле, я знаю этот остров намного лучше, чем они думают. В каком-то смысле даже лучше, чем любое другое место за всю мою жизнь. И я не боюсь того, что здесь водятся привидения. У меня они тоже есть. И я привожу их с собой, куда бы ни пошла.

– Я скучаю, – тихо говорю я и наклоняюсь. А надгробие просто стоит, тихое и нерушимое. Я касаюсь его кончиками пальцев. Оно грубое, холодное, неподатливое – совсем не то, что тепло щеки или мягких упругих локонов, которые я так отчетливо помню.

– Но надеюсь, что ты будешь мной гордиться. – Я чувствую это снова всякий раз, когда сижу здесь на корточках: знакомый бессильный гнев, поднимающийся во мне и оставляющий во рту горькое послевкусие.

И тут я слышу карканье, доносящееся откуда-то сверху, – словно насмешка над моими словами. Сколько бы раз я ни слышала этот звук, все равно кровь стынет в жилах. Я смотрю наверх и вижу его: наверху разрушенной часовни сидит большой баклан, его кривые черные крылья раскрыты, будто разложили сломанный зонтик. Баклан на колокольне – плохая примета. Его в этих краях называют «дьявольской птицей». *Cailleach dhubh*, черная ведьма, предвестник смерти. Надеюсь, что жених с невестой об этом не знают... или не верят в приметы.

Я хлопаю в ладоши, но животное не улетает. Вместо этого оно медленно поворачивает голову, так что теперь мне видно его суровый профиль, строгую форму клюва. И тогда я понимаю, что птица искоса наблюдает за мной своим черным глазом, будто знает что-то мне неизвестное.

В «Капризе» я несу поднос с бокалами шампанского в столовую, готовая к вечеринке. Когда я открываю дверь, то вижу пару на диване. Я не сразу понимаю, что это невеста с еще одним мужчиной: из пары, которую Мэтти привез на лодке. Они сидят очень близко друг к другу, их головы почти соприкасаются, и тихо разговаривают. Не то чтобы пара отскакивает друг от друга, заметив мое появление, но все же отодвигается на пару сантиметров. И она убирает руку с его колена.

– Ифа! – зовет меня невеста. – Это Чарли.

Я помню его имя из списка.

– Наш ведущий на церемонии, правильно? – уточняю я.

Он откашливается.

– Да, он самый.

– Конечно, и ваша жена, Ханна?

– Да, – соглашается он. – Какая у вас память!

– Мы как раз обсуждали завтрашние обязанности Чарли, – объясняет мне невеста.

– Ну разумеется, – подыгрываю я. – Замечательно.

Не знаю, зачем ей понадобилось что-то мне объяснять. Да,

казалось, что им довольно уютно вместе на диване, но я здесь не для того, чтобы осуждать моих клиентов, любить их или презирать, да и вообще иметь какое-то мнение. В моей профессии все не так. Если все пройдет хорошо, мы с Фредди будем всего лишь задним планом. А выделимся только в том случае, если что-то пойдет не так, а я позабочусь о том, чтобы этого не случилось. Жених с невестой, как и их близкие, должны почувствовать, будто это место принадлежит им, что на самом деле они тут хозяева. А мы только упрощаем им задачу, помогаем убедиться, что все пройдет гладко. Но чтобы в этом преуспеть, я не могу быть совсем инертной. В этом и заключается самая странная сложность моей роли. Мне придется за всеми следить, предугадать любое событие, которое может что-то испортить. Мне всегда надо быть на шаг впереди.

Сейчас. Вечер свадьбы

Крик застывает в воздухе, даже после того как стихает, – словно звон разбитого стекла. Гости замерли, сраженные его силой. Они выглядывают из шатра в ревущую темноту, откуда раздавался звук. Свет мигает, угрожая очередной темнотой.

Затем в шатер вваливается девушка. Белая рубашка выдается в ней официантку. Но ее лицо исказила звериная гримаса – огромные темные глаза, спутанные волосы. Она стоит перед гостями и пристально на них смотрит. Кажется, она даже не моргает.

Наконец к ней подходит женщина – это не гостя. Свадебный распорядитель.

– Что такое? – мягко спрашивает она. – Что случилось?

Девушка не отвечает. Гостям кажется, что они могут слышать только ее дыхание. Оно тоже походит на животное: слишком отрывистое и хриплое.

Организатор свадьбы шагает к девушке и осторожно кладет руку ей на плечо. Она не реагирует. Гости застыли как вкопанные. Некоторые из них смутно припоминают эту официантку. Одна из многих, кто с улыбкой подавал им закуски, основные блюда и десерты. Убирала тарелки и наполняла бокалы, мастерски наливая вино, ее рыжий хвостик подпрыгивал при каждом шаге, а рубашка была белой, чистой и

хрустящей. Некоторые вспоминают ее нежный певучий акцент: может, вам что-нибудь налить, а вам что-нибудь принести? В остальном же она была, за неимением лучшего выражения скажем, частью интерьера. Частью хорошо смазанного механизма. Намного менее интересная, чем шикарные виды острова или колеблющееся пламя свеч на серебряных подсвечниках.

– Что случилось? – повторяет свадебный распорядитель. Ее тон все еще сочувственный, но на этот раз в нем проскальзывает больше напора, какая-то властная нотка. Официантка дрожит так сильно, что это похоже на припадок. Организатор свадьбы снова кладет руку ей на плечо, как бы успокаивая. Девушка прижимает руку ко рту, и на мгновение кажется, что ее сейчас вырвет. Затем наконец она говорит.

– Снаружи, – хрипит она, звук ее голоса даже не похож на человеческий.

Гости внимательно прислушиваются.

Девушка издает стон.

– Ну же, – тихо и спокойно просит ее свадебный распорядитель. На этот раз женщина слегка трясет девушку. – Говори. Я здесь и хочу помочь, как и все мы. Все хорошо, тебя никто не тронет. Расскажи, что случилось.

В конце концов девушка продолжает тем же ужасным хриплым голосом:

– Снаружи. *Так много крови.* – А потом, прямо перед тем, как упасть в обморок, добавляет: – И тело.

За день до этого. Ханна. Плюс один

Я прижимаю к губам салфетку, чтобы убрать излишки помады. Хотя в этом замке она кажется уместной. Наша спальня просто огромная – в два раза больше той, что у нас дома. Ни одна деталь не кажется лишней: ведро со льдом, в нем – бутылка дорогого белого вина; два бокала; старинная люстра под высоким потолком; большое окно, выходящее на море. Я не могу подойти к нему слишком близко, иначе голова закружится, внизу видны разбивающиеся о скалы волны и крошечный кусочек пляжа.

В этот вечер отблеск умирающего заката озаряет всю комнату розовым золотом. Я выпила большой бокал изысканного вина, пока готовилась к ужину. На пустой желудок и после выкуренной с Оливией сигареты я чувствую легкое головокружение.

Было весело покурить в пещере, этаким привет из прошлого. Он и вдохновил меня оторваться в эти выходные. Весь месяц я была дерганной, грустила, а теперь появился шанс немного расслабиться. Поэтому я втиснулась в дорогое черное шелковое платье, которое носила еще до родов, – я всегда чувствовала себя в нем уверенно. Аккуратно уложила волосы феном. Стоит хотя бы попытаться, даже учитывая

тот факт, что от влажности на острове они снова превратятся в огромный спутанный клубок. Я думала, что Чарли уже давно сердитый ждет меня в комнате, но он и сам вернулся сюда только пару минут назад, так что я успела почистить зубы, чтобы скрыть запах сигарет, ощущая себя при этом непослушным подростком. Хотя какая-то часть меня надеялась, что он будет здесь. Мы могли бы вместе залезть в ванну с вычурными ножками.

На самом деле, я почти не видела Чарли с тех пор, как мы сошли с лодки: они с Джулс уютно расположились на диванчике и обсуждали его обязанности ведущего.

– Извини, Ханна, – сказал он, вернувшись. – Джулс хотела обсудить планы на завтра. Надеюсь, тебе не было одиноко?

Когда я выхожу из ванной, он обводит меня оценивающим взглядом.

– Ты такая... – он вскидывает брови, – *сексуальная*.

– Спасибо, – отвечаю я, слегка покачиваясь. Я и *чувствую* себя такой; пожалуй, я уже давно так не наряжалась. И да, сама виновата в том, что не могу вспомнить, когда он в последний раз так обо мне говорил.

Мы присоединяемся к остальным в гостиной и немного выпиваем. Обставлена она так же, как и наша комната: старинный каменный пол, канделябры, стеклянный декор на стенах с огромными блестящими рыбами, я ловлю себя на мысли, что, пожалуй, они настоящие. Таксидермисты вообще занимаются рыбой? За маленькими окнами виднеются

прямоугольники голубых сумерек, и снаружи теперь все кажется туманным и даже потусторонним.

Стоя в окружении группы гостей, Джулс и Уилл мягко освещены свечами. Похоже, Уилл рассказывает анекдот: остальные ловят каждое его слово. Я снова замечаю, что они с Джулс держатся за руки, как будто не могут жить без физического контакта. Они так хорошо смотрятся вместе, невероятно высокие и элегантные – она в сшитом на заказ кремовом комбинезоне, а он в темных брюках и белой рубашке, отчего его загар кажется на несколько тонов темнее. Я чувствовала себя такой уверенной, но теперь мой наряд кажется какой-то пародией: уверена, что хоть для меня это и роскошное платье, Джулс вряд ли отважится в нем выйти даже в магазин.

В конце концов я оказываюсь совсем рядом с Уиллом, что не так уж и случайно; меня к нему так и тянет. Такое пьянящее чувство – быть так близко к кому-то, кого вы видели на экране телевизора. Знакомое и в то же время странное ощущение. Я чувствую, как от этой близости покалывает кожу. Когда я подошла, то заметила, как его взгляд быстро прошелся по моим лицу и фигуре, прежде чем он закончил свой анекдот. Очевидно, я *правда* хорошо выгляжу. Меня пробирает постыдная радость. За все те годы после родов – наверное, потому что дети всегда со мной – я превратилась для мужчин в невидимку. Только когда они прекратились, я

поняла, что все это время принимала взгляды мужчин как должное. И они мне льстили.

– Ханна, – говорит Уилл, поворачиваясь ко мне со своей знаменитой добродушной улыбкой, – ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо. – Я делаю большой глоток шампанского, чувствуя себя сексуальной и немного взбалмошной.

– Все хотел спросить на причале, а мы встречались на вечеринке в честь помолвки?

– Нет, – неловко отвечаю я. – К сожалению, мы не могли приехать из Брайтона.

– Тогда, может, я видел тебя на фотографиях Джулс. Такое ощущение, что мы знакомы.

– Может быть, – соглашаюсь я. Но это вряд ли. Не думаю, чтобы Джулс выставила хоть какое-то фото со мной – у нее достаточно снимков, где они только вдвоем с Чарли. Но я знаю, что задумал Уилл: он хочет, чтобы я чувствовала себя спокойнее, своей. Это очень мило.

– Знаешь, – протягиваю я, – у меня такое же чувство. А я могла *тебя* где-то видеть? Ну, может быть... по телевизору?

Как банально, но Уилл все равно смеется, причем так громко и раскатисто, что мне сразу кажется, будто я только что выиграла приз.

– Пойман с поличным! – говорит он, поднимая руки. Из-за этого я снова чувствую его одеколон: мох и кедр – смесь

леса и дорогого парфюмерного магазина. Он расспрашивает меня о детях и о Брайтоне. И кажется очень заинтересованным в моем ответе. Уилл – один из тех людей, которые заставляют вас чувствовать себя остроумнее и привлекательнее, чем оно есть на самом деле. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится и обстановка, и восхитительное прохладное шампанское.

– А теперь, – говорит Уилл и мягко кладет руку мне на спину, его тепло ощущается даже через ткань платья, – позволь представить тебе некоторых гостей. Это Джорджина.

Джорджина, стройная и сногсшибательная, одетая в шелк цвета фуксии, одаривает меня ледяной улыбкой. Она практически не может шевелить лицом, и я изо всех сил стараюсь не пялиться – мне кажется, что до этого я и не видела ботокс на чьем-то лице.

– Ты была на девичнике? – спрашивает она. – Что-то я не могу вспомнить.

– Мне пришлось его пропустить, – отвечаю я. – Сама понимаешь, дети...

Это правда только отчасти. Есть еще тот факт, что девичник проводился на йога-курорте Ибицы, а такую поездку я себе ни за что не могу позволить.

– Да ты ничего не пропустила, – вмешивается в разговор стройный мужчина с темно-рыжими волосами. – Просто соборище стерв, загорающих с сиськами наружу и сплетничающих за бутылками дорогущего вина. Боже, – добавляет он,

окидывая меня взглядом, прежде чем наклониться и поцеловать в щеку, – а ты *умеешь* ухаживать за кожей.

– Э-э-э... спасибо, – судя по улыбке, он планировал сказать что-то приятное, но я все равно не уверена, что это был комплимент.

Очевидно, это Дункан, и он женат на Джорджине. Один из лучших друзей жениха, как и еще трое мужчин. Питер – зачесанные назад волосы, как у заядлого тусовщика. Олувафеми, или просто Феми – высокий, темнокожий и безумно красивый. Ангус – похожий на Бориса Джонсона как цветом волос, так и пузом. Но, как ни странно, все они очень похожи. На них одинаковые полосатые галстуки и хрустящие белые рубашки, отполированные туфли и дорожные пиджаки, которые куплены явно не в *Next*, как у Чарли. Мы специально покупали костюм для этих выходных, и я надеюсь, что Чарли не сравнивает себя с остальными. По крайней мере, он точно выглядит богато рядом с шафером, Джонно, который, несмотря на свои габариты, почему-то напоминает мне ребенка в одежде с чужого плеча.

На первый взгляд все мужчины кажутся такими очаровательными. Но я помню их смех с башни, когда мы шли к «Капризу». И даже сейчас под этим очарованием явно что-то зреет. Ухмылки, поднятые брови, как будто они тайно шутят на чей-то счет – скорее всего, на мой.

Я иду дальше, чтобы поболтать с Оливией, которая в своем сером платье выглядит какой-то неземной. В пещере мне

показалось, что мы немного сблизились, но сейчас она отвечает мне односложно и постоянно отводит взгляд.

Пару раз мы с Уиллом встречаемся взглядом. Мне даже кажется, что он уже давно на меня смотрит. Это неправильно, но все равно волнующе. Я знаю, что говорить так совершенно неуместно, но больше всего это напоминает то едва заметное подозрение, что обожаемый тобой человек тоже к тебе что-то испытывает.

Я резко себя осекаю. Вернись с небес на землю, Ханна. Ты мать двоих детей, замужем, и твой муж стоит прямо напротив, а ты разговариваешь с мужчиной, который вот-вот женится на лучшей подруге твоего мужа, ну и что, если он похож на мужской вариант Моники Белуччи. *Возможно*, тебе не стоит налегать на шампанское. Я уже сбилась со счета, какой бокал пью. Отчасти все дело в нервах из-за такой компании. Но также в чувстве свободы. Потом мне не придется позориться ни перед какой няней, а завтра с утра не надо никого будить. Есть что-то чарующее в том, что сейчас я в компании взрослых, у нас огромный запас алкоголя и никакой ответственности.

– Еда так вкусно пахнет, – говорю я. – Кто готовит?

– Ифа и Фредди, – отвечает Джулс. – Они владельцы «Каприза». А еще Ифа – организатор нашей свадьбы. Я ее представлю за ужином. А Фредди будет готовить и завтра.

– Очевидно, это будет восхитительно, – радуюсь я. – Боже, я такая голодная.

– Неудивительно, у тебя же пустой желудок, – говорит Чарли. – Ты все оставила за бортом.

– Тебя стошнило? – радостно интересуется Дункан. – покормила рыбок?

Я бросаю на Чарли злобный взгляд. Кажется, он только что испортил все впечатление, которое мне удалось о себе создать за вечер. Думаю, он хотел так пошутить, почувствовать себя частью компании. Клянусь, у него даже голос другой – явно выделяется. Но я знаю, что если скажу об этом, он лишь притворится, что не понимает, о чем я.

– В любом случае, – с напором продолжаю я, – будет приятно съесть что-то другое, кроме куриных наггетсов. Дети их так обожают, что мне приходится готовить их через день.

– А в Брайтоне сейчас есть какие-то хорошие рестораны? – спрашивает Джулс. Она всегда говорит так, будто Брайтон – это какая-то глушь.

– Да, – отвечаю я, – у нас есть...

– Только мы в них не ходим, – перебивает Чарли.

– Неправда. Мы ходили в тот новый итальянский ресторанчик...

– Он уже не новый, – парирует Чарли. – Это было где-то год назад.

Он прав. Я не могу вспомнить, когда мы в последний раз ужинали в ресторане. Последнее время у нас с деньгами немного туго, я уж молчу про стоимость няни. Но лучше бы он этого не говорил.

Джонно пытается налить Чарли еще шампанского, но он быстро кладет ладонь поверх бокала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.